

*Питерцев Станислав Константинович, Степанов Алексей
Александрович*

Тактика допроса на предварительном следствии и в суде



Серия «Библиотека криминалиста»

Главный редактор *В. Усманов Г. М.*
Заведующий редакцией *Бчржаков В. Зиссс*

Выпускающий редактор

Редактор

Художественный редактор *Корректоры Верстка*

ББК 7.411я7 У ДК

343.144(075) -160 с.: ил. — (Серия «Библик

**С. К. Питерцев, А. А.
Степанов**

П35 Тактика допроса на предварительном следствии и в
суде

. — СПб: Питер, 2001.
криминалиста»). ISBN 5-318-00042-8

Допрос является самым распространенным следственным действием. От него зависит судьба уголовного дела. Главной темой своей книги авторы избрали не традиционный уголовно-процессуальный аспект допроса, широко представленный в учебниках и научных публикациях последних лет, а криминалистический.

Книга предназначена практическим работникам правоохранительных органов. Вместе с тем она будет интересна студентам, преподавателям юридических учебных заведений.

© Питерцев С. К., Степанов А. А., 2001 © Издательский дом «Питер», 2001

ISBN 5-318-00042-8

Лицензия ИД №01940 от 05.06.2000.

Налоговая льгота - общероссийский классификатор продукции ОК 005-93.
том 2; 95 3000 - книги и брошюры.

Подписано к печати 24.11.2000 г. Формат 84.<108'/з2. у"!. п. л. 8.4. Тираж 4000 экз.

Заказ № 901. ЗАО «Питер Бук». 196105, Санкт-Петербург, ул. Благодатная, 61.

Отпечатано с готовых диапозитивов и ГИПК «Лениздат» (типография им. Володарского) Министерства РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. 191023. Санкт-Петербург, наб. р. Фонтанки, 59.

Содержание

Глава 1 Основные понятия о допросе.....	7
Понятие допроса.....	8
Цели допроса.....	9
Формы записи показаний	10
Участие третьих лиц при допросе	11
Основные этапы допроса.....	11
Обязанности и права допрашиваемых.....	13
Психологические сущность допроса и формы воздействия на допрашиваемого	14
Отдельные классификации допросов	18
Дополнительный допрос	20
Повторный допрос.....	21
Глава 2 Тактика допроса на предварительном следствии	
.....	23
2.1. Подготовка к допросу.....	24
Задачи допроса	26

Предмет допроса	27
Изучение личности допрашиваемого.....	27
Составление плана допроса.....	32
Определение участников допроса.....	33
Выбор места и времени проведения допроса	33
Подбор материалов	36
Использование дополнительных средств фиксации.....	36
2.2. Основные методы и приемы допроса	41
2.2.1. Типичные ситуации, складывающиеся при допросе	41
2.2.2. Методы воздействия на допрашиваемого. Понятие тактического приема.....	43
2.2.3. Тактические задачи при установлении, поддержании и закреплении психологического контакта с допрашиваемым	45
2.2.4. Приемы, используемые в бесконфликтном допросе.....	46
2.2.5. Приемы, используемые при конфликтном допросе	48
Предъявление доказательства как тактический прием	49
Комплексное использование приемов	51
Беседа.....	51
Снятие напряжения.....	52
Использование положительных качеств личности допрашиваемого	54
Пресечение лжи.....	55
Выжидание.....	57
Допущение легенды.....	58
Внезапность вопроса или предъявления доказательства.....	60
Отвлечение внимания.....	62
Инерция	63
Использование «слабых» мест личности.....	65
Повторность допроса.....	65
Демонстрация возможностей расследования.....	67
Создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя.....	

Глава 3

Тактические особенности допроса в суде	77
3.1. Особенности и виды судебного допроса	78
Отличительные особенности судебного допроса	78
Публичность.....	78
Кратковременность.....	79
Отдаленность во времени	79
Внезапность.....	80
Допрашиваемый незнаком	81
Проверочно-удостоверительный характер.....	82
Виды судебного допроса.....	82
Перекрестный допрос	83
Шахматный допрос.....	84
3.2. Тактическое значение подготовки к судебному допросу	87
Изучение материалов дела	87
Программа подготовки к судебному допросу.....	88
Определение круга лиц, подлежащих допросу.....	90
Тактические требования к формулировке и последовательности вопросов.....	91
Предъявление доказательств при судебном допросе.....	92
Последовательность допросов как тактическая категория	94
Планирование допроса — важнейшее условие достижения его целей.....	98
3.3. Общие положения тактики судебного допроса.....	101
Стадии судебного допроса	101
и их тактическое значение	
Тактическое значение типовых признаков социально-демографической характеристики допрашиваемого.....	106
Тактические особенности обеспечения надлежащего содержания протокола судебного заседания	120
О «праве» на первый допрос.....	121
Типовые варианты ситуаций, складывающихся	

при судебном допросе, и их тактическое значение	123
3.4. Тактика допроса в конфликтной ситуации.....	126
Особенности конфликтной ситуации	126
Классификация вопросов при судебном допросе и ее тактическое значение.....	128
Тактические приемы борьбы с изменением показаний в суде	132

Глава 1

Основные понятия о допросе

Понятие допроса

В соответствии со ст. 70 уголовно-процессуального кодекса РСФСР «лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе по находящимся в их производстве делам вызывать... любое лицо для допроса...» Так, что же такое допрос?

Допрос — это следственное действие, относящееся к числу *вербальных*, т. е. устных, словесных, осуществляемых в форме беседы (общения), порядок, условия проведения и оформление результатов которой определяются процессуальным законом. В начале этой беседы следователь (дознатель, прокурор, судья) предлагает собеседнику рассказать все известное ему о расследуемом преступлении либо об иных, связанных с ним событиях, и выслушивает его. По ходу рассказа или после его окончания могут задаваться вопросы с целью дополнения или уточнения отдельных положений рассказа. Записанный в протокол рассказ и ответы на вопросы составляют **показания** допрошенного лица.

Таким образом, допрос — это тщательно регламентированная законом специальная процедура, с помощью которой уполномоченные на то лица получают от граждан показания — информацию (сведения, данные) о расследуемом преступлении и связанных с ним событиях.

С помощью допроса собираются и проверяются сведения о преступлении и его участниках, о виде причиненного вреда и о многих других обстоятельствах, имеющих значение для дела.

Во время допроса может производиться киносъемка, звуко- и видеозапись. Киноплёнка, фонограмма или видеоноситель, отражающие ход допроса, приобщаются к протоколу допроса в качестве приложения. К этому протоколу могут быть приобщены также планы и схемы, если они изготавливались в ходе допроса, и имеют отношение к его теме.

Допрос является самым распространенным следственным действием. Как показывают исследования, в среднем около 66% протокольных материалов уголовного дела составляют протоколы допроса. Столь подавляющая «популярность» допроса обуславливается, с одной стороны, его высочайшими информационными возможностями, а с другой — простотой проведения, надежностью и быстротой получения результата.

Цели допроса

Допрос направлен к достижению двух целей: 1) получить новую, ранее не известную информацию по предмету доказывания и 2) подтвердить или опровергнуть имеющуюся, но еще не проверенную и посему не могущую считаться достоверной информацию. Обычно в ходе успешно проведенного допроса реализуются обе эти цели, хотя и в разном объеме. Максимально насыщены новой информацией показания допрошенного первым очевидца преступления. Большая же часть показаний второго и последующих свидетелей уже не содержит новизны, так как повторяет показания первого, подтверждая тем самым их достоверность.

Вместе с тем в любых показаниях об одном и том же могут содержаться элементы новизны, обусловленные индивидуальностью восприятия наблюдаемого человеком события. Если же показания допрашиваемого опровергают чьи-либо полученные ранее показания, то в сравнении с последними они сами представляют собою новую информацию и в свою очередь требуют проверки на достоверность.

Формы записи показаний

Результаты допроса фиксируются в протоколе, который составляется допрашивающим в соответствии с требованиями, изложенными в ряде норм УПК РСФСР (ст. 141, 142, 151, 160, 161).

Следственной практикой выработаны три формы записи показаний при допросе:

- 1) свободный рассказ;
- 2) вопросно-ответная форма;
- 3) смешанная.

Суть первой очевидна. Допрашиваемый рассказывает об интересующем следствие событии, отвечает на отдельные, уточняющие или дополняющие рассказ вопросы следователя. По исчерпанию предмета допроса следователь записывает полученные показания в виде *целостного, последовательного рассказа*. Эта форма записи показаний является наиболее естественной, а посему и наиболее распространенной в ситуациях, когда допрашиваемый говорит правду и не ставит перед следствием информационных барьеров, требующих преодоления.

В целях изобличения лица, дающего ложные показания, а особенно неоднократно меняющего свои показания, применяется *вопросно-ответная* форма записи последних. В протоколе допроса она выглядит следующим образом: сначала

письменно фиксируется вопрос к допрашиваемому и затем тут же — его ответ. При этом каждый свой ответ допрашиваемый подтверждает своей подписью (разумеется, прочитав и признав правильность записанного с его слов). И так — до исчерпания предмета допроса.

Требование подписи под ответом на каждый вопрос имеет целью побудить допрашиваемого строже относиться к своим ответам, не допускать принципиальных изменений ответов на одни и те же вопросы.

Смешанная форма записи характеризуется наличием в протоколе сначала свободного рассказа допрошенного, а затем — нескольких его ответов на поставленные следователем вопросы. Эти вопросы чаще всего имеют целью уточнения, детализацию отдельных положений рассказа, но иногда могут иметь и выраженное тактическое (изобличающее) значение.

Участие третьих лиц, при допросе

В отличие от других следственных действий, проводимых с понятыми, допрос проводится без их участия. Это и понятно, ибо для допроса, протекающего в форме доверительной, «исповедальной» беседы о преступлении и связанных с ним событиях, равно как и при сложной тактической борьбе следователя с допрашиваемым, противопоказано присутствие третьих лиц, могущих помешать ходу допроса и достижению его целей.

Вместе с тем закон предусматривает возможность, а в ряде случаев — обязательность участия в допросе третьих лиц. К их числу относятся: прокурор, педагог, защитник, переводчик, эксперт, а также законные представители допрашиваемого.

Основные этапы допроса

Как и всякое сложное действие, протекающее во времени, допрос проходит в своем развитии три основных этапа:

- 1) начальный, образующий так называемую вводную часть допроса;
- 2) основной или, как иногда говорят, «рабочий», этап;
- 3) завершающий. На первом этап

и и и и <, и и и и '

дующему, основному этапу д'
ватель стремится получить от допру
вую информацию по всем вопросам^...',,, ...; i^i,...,» isi. i
предмет допроса.

На завершающем этапе полученная в ходе допроса информация, имеющая значение для дела, фиксируется в протоколе (если запись показаний не шла параллельно с их получением).

Этот протокол зачитывается или предъявляется допрошенному для личного

прочтения, оценивается в комплексе с позиций всесторонности, полноты и объективности решения всех задач допроса. При необходимости — она уточняется, дополняется с помощью ответов на вопросы и, наконец, удостоверяется участниками допроса.

Помимо трех названных этапов собственно допроса в процессуально-криминалистической теории и следственно-судебной практике принято выделять в качестве самостоятельного этап **подготовки** к допросу. Серьезная подготовка к допросу, особенно заведомо проблематичному, связанному с предполагаемым противодействием допрашиваемого установлению истины, в значительной мере предопределяет успех допроса и, следовательно, имеет большое тактическое значение. Поэтому анализу тактического содержания подготовки к допросу в предлагаемой работе посвящается отдельный раздел.

Обязанности и права допрашиваемых

В соответствии с законом, **свидетель** (ст. 73 УПК РСФСР) или **потерпевший** (ст. 75 УПК РСФСР) «**обязан** явиться по вызову лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда и дать правдивые показания:

сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы». Данные обязанности разъясняются перед началом допроса. При этом свидетель и потерпевший предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний по статье 308 УК РФ, а за дачу заведомо ложных показаний — по статье 307 УК РФ. Указанные разъяснения и предупреждения выступают аргументами законного психологического воздействия на свидетелей и потерпевших с целью предупреждения возможных с их стороны попыток оказать противодействие следственно-судебным органам в установлении истины по делу.

Однако свидетель и потерпевший **вправе** и по собственной инициативе (без вызова) явиться к следователю, ведущему расследование конкретных преступлений, и дать показания по поводу обстоятельств, связанных с одним или несколькими из них.

Обязанности же **подозреваемого и обвиняемого** сводятся лишь к явке по вызову на допрос (соответственно, статьи 123 и 145 УПК РСФСР). Они вправе, **но не обязаны** давать показания: **подозреваемый** — по поводу обстоятельств, послуживших основанием для его задержания или заключения под стражу (ст. 76 УПК РСФСР), **обвиняемый** — по предъявленному ему обвинению, а также по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющих в деле доказательств (ст. 77 УПК РСФСР).

Говоря о допросе, нельзя не сказать, что согласно ст. 51 Конституции РФ «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего супруга и близких родственников». Уголовно-процессуальный Кодекс (ст. 3, 20 УПК РСФСР) «запрещает помогать показаниям обвиняемого и других участвующих в деле лиц путем насилия, угроз и иных незаконных мер».

Поскольку показания подозреваемого и обвиняемого являются источниками доказательств, причем наиболее информативными, становится понятным, что для следователя (прокурора) получение от данных участников процесса показаний всегда становится очень важной, а во многих случаях еще и тактически сложной задачей.

К сказанному следует добавить, что названные лица имеют право ознакомиться с протоколом их допроса и «требовать дополнения протокола и внесения в него поправок. Эти дополнения и поправки подлежат обязательному занесению в протокол» (ст. 151, 160 УПК РСФСР).

Психологические сущность допроса и формы воздействия на допрашиваемого

С психологической точки зрения допрос представляет собой **взаимное психологическое воздействие друг на друга допрашивающего и допрашиваемого**.

Природа этого взаимного воздействия является **информационной**: допрашиваемый выступает в этом процессе источником информации, а допрашивающий — ее «заказчиком» и получателем.

Известно, что важнейшей предпосылкой успеха в допросе является установление психологического контакта между допрашивающим и допрашиваемым. Свидетельством того, что такой контакт установлен, служит проявление допрашиваемым готовности вести беседу по предмету допроса и правдиво отвечать на вопросы.

При допросе добросовестного лица, намеренного дать правдивые показания, психологической борьбы не возникает, и допрос проходит в основном, без проблем.

Однако ситуации, когда такого рода готовности допрашиваемое лицо не только не обнаруживает, но и с очевидностью противодействует установлению истины, в современной следственной практике становятся, к сожалению, все более типичными.

При допросе таких лиц, психологическая борьба становится важнейшим компонентом допроса, значительно усложняющим достижение его целей. Естественно, следователь (прокурор — в суде) должен попытаться преодолеть этот барьер, используя возможности оказания на допрашиваемого **психологического воздействия**, не противоречащего требованиям закона.

Это воздействие в одних случаях имеет форму *эмоционального*, направленного главным образом на эмоциональную сферу допрашиваемого, в других, напротив, — *логического*, адресующегося преимущественно к рациональным основам его сознания. Бывают и такие ситуации, когда психологическое воздействие при допросе представляет собой различные сочетания приемов эмоциональной и логической направленности.

Приемы **эмоционального** воздействия связаны с использованием допрашивающим таких нравственных категорий общественного и индивидуального сознания, как любовь (в самом широком смысле этого слова), честь, долг, порядочность, ответственность (перед семьей, близкими, друзьями, обществом), добро (в противовес злу), достоинство, интеллигентность, ум (как антитеза глупости), а также категория греха (применительно к лжесвидетельству — как богопротивного поступка, а при отрицании совершения преступления — как нераскаяния в тяжком грехе перед богом).

В целях преодоления попыток допрашиваемого скрыть истину ложными показаниями и получения от него правдивых показаний полезно проанализировать положительные свойства его личности, указанные в характеристиках с места работы и жительства; положительные черты, отмеченные другими допрошенными лицами;

приказы о поощрениях и наградах и т. п. Общая цель этих действий состоит в активизации у него чувства собственного достоинства, гордости за свои социально полезные дела и поступки.

При этом можно напомнить ему о достойном поведении в трудных ситуациях близких или авторитетных для него лиц. С целью приведения лжесвидетельствующего к даче правдивых показаний можно сопоставить его положительный облик с социально-опасными качествами лица, в интересах которого он дает ложные показания.

В ходе допроса, например, подсудимого важно продемонстрировать объективный подход в оценке его личности и поведения в жизни, выясняя обстоятельства, не только отрицательно, но и положительно характеризующие его. При наличии оснований можно дать критическую оценку поведению потерпевшего (чаще всего в начальной фазе криминального конфликта), проявить понимание и сочувствие к положению, в котором оказался подсудимый во время конфликта.

Безусловно, следует привести примеры, когда судом были учтены факты чистосердечного раскаяния лиц, совершивших преступления, подтверждая этим действенность предусмотренных законом обстоятельств, смягчающих, наказание (ст. 61 УК РФ).

Логическое воздействие на допрашиваемого, скрывающего правду и дающего ложные показания, состоит в использовании конкретных доказательств в качестве аргументов, одни из которых опровергают его ложные утверждения, а другие — изобличают в совершении действий, которые он пытается скрыть.

Вот пример. 28 октября 1992 г. гр. А. познакомился на улице с ранее судимым гр. Б. и пригласил его к себе домой «отметить» знакомство. Около 20 часов, после обильной выпивки, они поссорились. Схватив со стола хозяйственный нож, Б. трижды ударил им в грудь А., от чего тот на месте скончался. После этого Б., никем не замеченный, покинул квартиру А. Через две недели Б. был разыскан и задержан.

На первом допросе в качестве подозреваемого Б. отрицал факты: 1) знакомства с А.; 2) пребывания в доме А.; 3) ссоры и убийства А. При этом Б. утверждал, что еще утром 28 октября уехал за город, на дачу к приятелю Ф., и там пробыл с ним двое суток, вернулся в город лишь 30 октября. Этим алиби он обосновывал свою непричастность к убийству А.

При следующем допросе (через два дня) Б. продолжал оспаривать подозрения прежними утверждениями. Тогда следователь стал опровергать каждый из аргументов Б.

По первому (из указанных) факту следователь предъявил фрагменты показаний двух свидетелей — М. и Ш. Свидетель М. показал, что около 17 часов 28 октября он встретил в городе, около магазина «Орион», своего знакомого А. вместе с неизвестным человеком. А. представил ему незнакомца как Б. и пригласил обоих к себе домой «посидеть», но М. отказался, сославшись на дела.

Свидетель Ш., сосед А. по дому, сообщил следствию, что около 18 часов 28 октября, выходя из подъезда своего дома встретил у дверей А. с каким-то

незнакомцем, шедших, по-видимому, в квартиру А. (Оба свидетеля дали четкое описание примет незнакомца, совпадавших с приметами Б. Позднее каждый из них опознал Б.).

По второму факту были предъявлены материалы о следах пальцев обеих рук Б., во множестве обнаруженных на месте преступления и свидетельствовавших о его пребывании в доме А.

По третьему факту были предъявлены два окровавленных следа пальцев правой руки Б., один из которых находился на клинке ножа (орудия убийства), а другой — на двери комнаты, в которой убийство произошло. Затем следователь сообщил Б. об обнаружении на правом рукаве его пиджака нескольких пятен крови, принадлежавшей А.

Кроме того, свидетель Ф. (знакомый Б. и владелец дачи) показал, что последний раз был на своей даче 22 октября, что Б. ранее несколько раз бывал у него на даче, в последний раз это было в июне 1992 г.

Анализ примера показывает, что приводя указанные доказательства, следователь воздействовал на сознание Б. (рациональную сторону его психики), показывая ему очевидную несостоятельность его защитных аргументов и, одновременно, изобличая его в преступлении. После этого Б. оказался перед выбором: либо признать поражение в попытках скрыть истину и дать правдивые показания, либо придумать новую ложную оправдательную версию. Поскольку любая вновь придумываемая версия требовала бы подтверждения объективными данными, а их для нее быть не могло (так как новая версия искусственна, нереальна), Б. сознался в убийстве А. и дал подробные показания.

Отдельные классификации допросов

На протяжении многих десятилетий использования допроса в следственно-судебной практике возникали различные ситуации, в ходе которых к допросу как следственному действию предъявлялись специфические дополнительные требования. Их обобщение привело к созданию различных классификаций допроса. Большая их часть получила признание в науке и практике, а также нашла свое отражение в процессуальном законе.

Ранее уже отмечалось, что с учетом типовых различий в процессуальных интересах лиц, вовлекаемых в процедуру судопроизводства, закон предусматривает их различный статус в указанной процедуре, а именно: свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый. Поскольку в законе четко обозначены особенности порядка проведения и оформления допроса лиц каждой из указанных категорий, здесь нет необходимости рассматривать данную классификацию предметно. Тактические же нюансы допроса данных лиц, обусловливаемые их процессуальными интересами, будут предметом детального исследования в последующих главах данной работы.

Регулируя условия и порядок проведения допроса, законодатель не упоминает о том, сколько раз можно допрашивать одно и то же лицо, тогда как в стадии предварительного расследования довольно часто встречаются факты неоднократного

допроса одних и тех же лиц.

В связи с этим практиками широко используются такие классификационные понятия, как «повторный допрос» и «дополнительный допрос». Правомерность употребления этих понятий сомнений не вызывает, тем более что и сам законодатель использует, правда, по отношению к экспертизе, определения «дополнительный» и «повторный» (ст. 81 УПК РСФСР). Здесь проблема в другом — в правильности толкования и практического использования этих понятий.

Практика показывает, что далеко не все специалисты правильно трактуют такие процессуальные понятия, как «повторный» и «дополнительный» допрос. В уголовных делах нередко встречаются протоколы дополнительного допроса, тогда как фактически был проведен повторный, либо, наоборот, — протоколы повторного допроса там, где имел место дополнительный. Причина этой ошибки состоит в смешении классификационных оснований названных понятий. Это обстоятельство нельзя оставить без специального рассмотрения.

Дополнительный допрос

Прежде всего отметим, что определения «дополнительный» и «повторный» — звенья не одной, а разных классификаций и посему просто несопоставимы. Альтернативой (антонимом) определению «дополнительный» является не понятие «повторный», как обычно думают, а понятие «основной». Однако определение «основной» в названиях следственных действий и в письменном наименовании их протоколов не употребляется, так как в этом нет необходимости. Дело в том, что любое следственное действие, в том числе и допрос, автоматически рассматривается как основное до тех пор, пока не появляется особая причины считать его дополнительным.

Разница между обычным допросом (он всегда основной) и дополнительным состоит в *объеме получаемой с их помощью информации*. В первом случае должен быть исследован весь предмет допроса, должны быть реализованы все вопросы его программы. Но так получается не всегда. По самым разным причинам в ходе допроса могут оказаться упущенными, невыясненными отдельные факты и обстоятельства, но обнаруживается это уже после проведения допроса. Возникает необходимость восполнить упущения, что как раз и можно сделать путем дополнительного допроса того же лица.

Дополнительный допрос адресуется не к предмету допроса в целом, а посвящается частностям — отдельным обстоятельствам, конкретным сведениям, которые оказались упущенными. Таким образом, дополнительный допрос вторичен по отношению к основному, произведен от него и является вспомогательным.

Повторный допрос

Что касается повторного допроса, то антитезу ему может представлять только первоначальный. В основе их разграничения лежит уже другой признак — **последовательность**. Всякий первый допрос — первоначален. Повторным же называется любой последующий, например второй, третий, пятый, допрос одного и того же лица.

Повторные допросы, в свою очередь, могут быть основными и дополнительными. Когда с помощью повторного допроса решается задача вновь — с начала и до конца

— исчерпать предмет допроса, то он будет основным. Если же повторный допрос посвящается частным уточнениям, отдельной конкретизации, то он будет дополнительным. Отметим, кстати, что всякий дополнительный допрос уже является повторным, так как он — не первый, а следует за основным. Значит ли это, что и его надо называть повторным? Нет, не значит!

Суть дополнительного допроса — компенсационная. Он призван «подчистить» огрехи основного, и это главное. Повторность же его — признак второстепенный, формальный и посему не может определять названия данной разновидности допроса.

Применительно к стадиям судопроизводства различают допросы *следственные* и *судебные*. Именно в этих стадиях судопроизводства ведется тактическая борьба, подчас, очень упорная. Названным обстоятельством и обусловлена попытка авторов рассмотреть тактические проблемы допроса в рамках упомянутых классификационных категорий.

Глава 2

Тактика допроса на предварительном следствии

2.1. Подготовка к допросу

Изучение материалов уголовных дел, в частности протоколов допросов, а также многолетнее проведение учебных занятий со следователями по теме «Допрос» свидетельствуют, что, к сожалению, следователи часто не готовятся к допросу, пытаясь экспромтом добиться его целей. Разумеется, это приводит подчас к серьезным упущениям, требующим повторных допросов, что существенно осложняет и замедляет расследование.

Так, анализ трехсот уголовных дел показал, что каждый третий свидетель допрашивался *повторно*, а в ряде случаев по 5-6 раз. Все это не только значительно увеличивает расход и без того дефицитного рабочего времени следователя, но и подрывает авторитет следственных органов, вызывает справедливое возмущение граждан низким уровнем организации допросов.

Также обратило на себя внимание редкое и *неумелое использование* при допросах имеющихся в деле доказательств. В 2% случаев при допросах подозреваемых и обвиняемых вообще не были предъявлены доказательства, хотя по обстоятельствам

каждого из этих дел такая необходимость была.

По отдельным делам *доказательства* предъявлялись, но либо явно несвоевременно, либо так, что очевидный по контексту факт их предъявления своего надлежащего отражения в протоколе допроса не получил.

Существенным недостатком многих допросов явилось то, что следователи оставляли неразрешенными явные *противоречия* в показаниях допрошенных лиц, не пытались установить причины этих противоречий.

Так, по одному из дел свидетель показал, что И. ударил потерпевшую ногой в левую часть головы. В заключении же судебно-медицинской экспертизы указывалось на наличие перелома кости с правой стороны височно-теменной области. Обвиняемый вообще отрицал нанесение удара ногой по голове потерпевшей. С такими очевидными противоречиями следователь направил дело в суд. Естественно, оно было возвращено на доследование.

Допросы часто бывают весьма *поверхностными*. Именно по этой причине было возвращено на доследование уголовное дело по обвинению П. в изнасиловании. Совершил это преступление П. в период с 19 до 20 часов, однако соседям П. по дому, допрошенным в качестве свидетелей, даже не задавался вопрос — видели ли они П. вечером того дня, в какое именно время он возвратился домой. Мать потерпевшей заявила на допросе, что, по словам дочери, у преступника ноги были «заметно кривоватые в коленях», однако у потерпевшей это важное для изобличения преступника обстоятельство не уточнялось, а сам обвиняемый ни судебно-медицинскому осмотру в рамках экспертизы, ни следственному освидетельствованию в целях обнаружения столь важной анатомической особенности не подвергался.

Подготовка к допросу имеет огромное значение. Если следователь не определил предмета предстоящего допроса, не составил перечня конкретных вопросов, по которым нужно получить ответы, и не продумал их четких формулировок, то он, естественно, лишается возможности получить исчерпывающую информацию. Наблюдая, как следователь путается, лихорадочно перелистывает страницы уголовного дела в поисках необходимых материалов, наспех, беспорядочно придумывает и поэтому не лучшим образом формулирует вопросы, допрашиваемый мысленно даст следователю весьма нелестную оценку. Что же касается лиц, имеющих установку на борьбу со следователем и на дачу ложных показаний, то столь очевидная неподготовленность следователя к допросу значительно облегчит этим лицам реализацию их целей.

В этой связи представляется исключительно важным рассмотреть вопрос о том, какие конкретные тактические задачи могут и должны решаться на стадии подготовки к допросу.

Задачи допроса

Основные задачи подготовки к допросу состоят в следующем. Необходимо:

1. Определить предмет допроса.
2. Изучить личность допрашиваемого.
3. Составить примерный письменный план предстоящего допроса.

4. Определить других участников этого допроса, имеющих по закону право участвовать в нем, и принять меры к обеспечению их участия в допросе.

5. Наметить наилучшие с тактической точки зрения место и время допроса.

6. Подготовить необходимые материалы дела и вещественные доказательства для их тактического использования при допросе.

7. Определить тактическую необходимость использования звуко- или видеозаписывающей техники для фиксации хода планируемого допроса, организовать ее подготовку, пригласить специалистов.

Даже беглого взгляда на перечень этих тактических задач достаточно, чтобы стало ясно, как важно заблаговременно знать о каждой из них и соответствующим образом подготавливаться к ее решению. Рассмотрим каждую из указанных задач более подробно.

Предмет допроса

Определение предмета предстоящего допроса требует (в целях обеспечения всесторонности и полноты последнего) изучения и анализа материалов дела, выписки из них обстоятельств, по поводу которых на допросе необходимо будет получить информацию. В предмет допроса входят обстоятельства: во-первых, составляющие в соответствии со ст. 68 УПК РСФСР, предмет доказывания по делу (место, время, орудие, способ совершения, преступления его мотив и т. д.). Кроме того, с помощью допроса могут выясняться обстоятельства, знание о которых необходимо для достижения промежуточных целей расследования; для проверки и общей оценки отдельных доказательств либо просто для тактических целей.¹

Анализ типичных представлений следователей о содержании понятия «предмет допроса» показывает, что обычно это понятие необоснованно ограничивается обстоятельствами, указанными лишь в первом пункте перечня. Что касается остальных обстоятельств, то отдельные из них попадают в поле зрения следователей крайне редко и главным образом случайно. Поэтому огромный резерв информации, полезной для целей расследования, остается на практике невостребованным.

Изучение личности допрашиваемого

Важнейшим элементом подготовки к допросу является изучение личности допрашиваемого. Именно с учетом особенностей его личности следует определять стратегию допроса, прогнозировать вероятные «ходы противника», линию его поведения и подбирать тактические приемы, применение которых может принести успех. К числу наиболее существенных сторон личности допрашиваемого, подлежащих изучению, оценке и учету при подготовке к допросу и при его проведении, относятся его интеллектуальные, эмоциональные и волевые качества, уровень его нравственности, характер типичных ценностных и поведенческих установок.

Практика свидетельствует, что отношение следователей к изучению личности даже основной фигуры по делу — обвиняемого (не говоря уже о потерпевшем, а тем более свидетеле) — может быть охарактеризовано как крайне несерьезное. Обычно оно сводится к получению формальных, малосодержательных характеристик обвиняемого с мест работы и жительства. Почти не используется такой емкий и

объективный канал информации о личности обвиняемого, как свидетельские показания. В этой связи представляется полезным упомянуть о источниках получения информации о личности. Вот основные из них:

- 1) изучение биографических материалов о личности;
- 2) получение и сопоставление сведений о лице из различных источников;
- 3) сбор и сопоставление независимых характеристик;
- 4) анализ учебной и (или) трудовой деятельности лица (его отношение к учебе и труду, успехи, способности, склонность к данному виду деятельности или ее отсутствие и т. д.);
- 5) анализ различного рода документов;
- 6) назначение судебно-психологических экспертиз и учет их заключений;
- 7) непосредственное наблюдение за человеком — его реакциями, эмоциями, речью, логикой рассуждений, характером оценок и т. п.

Из приведенного перечня видно, как широк диапазон возможностей для фундаментального (когда это нужно) либо просто качественного изучения личности в ходе расследования.

В протоколах допроса свидетелей, дающих характеристику какому-либо лицу, обычно фигурируют только односложные оценки (например, плохой—хороший; жадный—добрый; жулик—честный; грубый—вежливый; алкоголик, пьющий, как все, по праздникам— непьющий, трезвенник и т. п.). Нет подтверждения этих оценок системой фактов из жизни, поступков характеризуемого лица, которые бы, с одной стороны, давали следствию новую информацию о нем, а с другой — позволяли бы судить о степени обоснованности и объективности высказанных свидетелем оценок. О всесторонности же исследования при допросе свидетелей личности интересующего следствие субъекта говорить просто не приходится. Похоже, следователи даже не представляют себе, какие стороны, свойства, качества личности должны быть охарактеризованы. Приведем примерный круг вопросов, с помощью которых на допросе можно получить характеристику конкретного лица, вполне удовлетворяющую потребностям расследования и отправления правосудия.

1. Как давно вы знаете И., каковы между вами отношения?
2. Что вы можете сказать о его "характере (спокойный, уравновешенный или раздражительный, импульсивный)?
3. Как бы вы оценили уровень его интеллектуального развития (высокий, средний, низкий), что можете сказать о его любимых занятиях, увлечениях?
4. Как он относится к членам своей семьи (родителям, жене, детям)?
5. Как относится к окружающим людям в обычной обстановке и в конфликтных ситуациях (груб, резок, может нецензурно обругать, оскорбить из-за пустяка либо, напротив, всегда ровен, вежлив, уважителен и ничего предосудительного не допустит), не характерны ли для него мстительность, злопамятность?
6. Как он оценивает себя, как относится к своим поступкам, свойственны ли ему эгоизм, самокритичность (приведите пример поступков, в которых проявились наиболее характерные черты его личности)?
7. Как его оценивают ваши знакомые (кто конкретно), уважают его или нет, какие качества ценят в нем, какие порицают?

8. Как он относится к труду (любит ли трудиться, добросовестен ли в труде, преодолевает трудности или готов «схалтурить», выполнить задание без души, как-нибудь, не переживая за качество работы)?

9. Каково его отношение к алкоголю, как алкоголь влияет на его состояние (угнетает, клонит в сон или резко активизирует, возбуждает) и на поведение, не становится ли он в нетрезвом состоянии непредсказуемым, конфликтным, склонным к агрессии, противоправному насилию?

10. Кто у него друзья — если знаете, назовите. Есть ли у него враги, если да, кто они, на какой почве враждуют?

11. Как он относится к соблюдению законов, правопорядка, правил приличия, совершал ли безнравственные поступки, преступления? В совокупности приведенные вопросы дают возможность получить достаточно всестороннее представление о человеке. При этом редакция вопросов такова, что позволяет при необходимости вводить в них дополнительные, детализирующие «подвопросы» и с их помощью получать более многогранную и разностороннюю информацию.

Практике известны случаи, когда именно всестороннее и глубокое изучение личности помогло выдвинуть и подтвердить версию о виновности лица в совершении преступления. Вот пример.

Убийство женщины — преподавателя техникума — долгое время оставалось нераскрытым. Муж потерпевшей заявил, что убийство могла совершить его любовница — К. Данная версия проверялась, но заподозренная отрицала свою причастность к преступлению, ссылаясь на алиби, которое подтвердили ее родители и их знакомая. За неустановлением виновного дело было приостановлено. Через несколько месяцев эту версию стал вновь проверять другой следователь. Были допрошены лица, знавшие подозреваемую в различные годы ее жизни, истребованы из различных организаций характеристики за большой период ее трудовой деятельности. В результате сложился четкий образ эгоистичной и психопатичной женщины, в то же время находчивой, решительной и целеустремленной, готовой любыми средствами добиваться поставленной цели, умеющей подчинять себе людей со слабой волей, в критических ситуациях действующей хладнокровно и продуманно. Однажды был случай, когда ее изнасиловали. Сразу после этого она заманила преступника к себе в дом и создала ситуацию, в которой он выпил стакан коньяку, расслабился. Это позволило его задержать и затем привлечь к уголовной ответственности. Ранее она дважды была замужем, но оба раза неудачно, и поэтому имела большие надежды на своего любовника.

Так обоснованно выдвинутая в начале расследования версия о возможном совершении К. убийства в дальнейшем — именно по мере выявления ряда особых свойств ее личности — становилась все более вероятной, пока наконец не превратилась в доказанный факт.

Составление плана допроса

Одна из основных форм подготовки к допросу — **составление письменного плана**. В плане должен быть по возможности исчерпывающе отражен предмет допроса. При обнаружении упущений план следует дополнить. Окончательно принятый к исполнению он становится важнейшей предпосылкой успеха предстоящего допроса. Главная причина невысокого качества допросов, восполняемого, как уже отмечалось, многократным повторением этого следственного действия, как раз и заключается в отсутствии у многих следователей привычки составлять письменный план допроса, в подмене его мысленной схемой, содержащей лишь самые общие представления о том, что нужно выяснить. Без плана следователь не может знать конечного числа вопросов, исчерпывающих предмет допроса, а посему просто обречен на упущения чего-то важного.

Особую роль в плане играет наилучшая, с тактической точки зрения, последовательность постановки вопросов, которая определяется с учетом особенностей личности допрашиваемого, а также сведений о наличии и характере его заинтересованности в исходе дела. Прогнозируя уклонение допрашиваемого от правдивых показаний путем лжесвидетельствования, следователь должен дополнить план допроса этого лица особым разделом, назначение которого — уже не выяснение истины по делу (эта задача решается с помощью основной — вопросной — части плана), а разрушение попыток допрашиваемого скрыть правду. В этих целях требуется наметить конкретные способы и средства тактического воздействия на допрашиваемого, могущие, по мнению следователя, обесценить в сознании допрашиваемого идею сопротивления установлению истины, а для этого — напомним еще раз — необходимо глубокое предварительное изучение личности допрашиваемого.

Определение участников допроса

Ранее уже говорилось, что обычно в допросе участвуют двое — допрашивающий и допрашиваемый. Но закон предусматривает ряд случаев, когда в допросе могут участвовать и другие лица. Определение других участников допроса особых проблем не вызывает. Важно только не упустить из виду случая, когда, скажем, участие в допросе защитника или педагога является обязательным по закону, или когда самому следователю предпочтительнее счесть целесообразным участие в допросе педагога, законного представителя или кого-нибудь из близких родственников допрашиваемого, которому от 14 до 16 лет (ст. 159 УПК РСФСР). Эксперт тоже может присутствовать на допросе, если у следователя не будет возражений (ст. 82 УПК РСФСР).

Выбор места и времени проведения допроса

Решение этого вопроса — проблема, требующая детального рассмотрения. Анализ практики организации допроса показывает, что следователи повсеместно и почти постоянно проводят допросы в своем кабинете, вызывая свидетелей в основном повесткой, реже — по телефону: Обе эти формы вызова весьма удобны в организационном отношении, однако часто неудачны с тактической точки зрения.

Известно, что одним из очень эффективных тактических приемов является *внезапность* допроса. Но о какой внезапности можно говорить, если повестка предписывает гражданину явиться на допрос через несколько дней? Правда, утрата фактора внезапности вряд ли повредит результатам допроса добросовестного, не за-

интересованного в исходе дела свидетеля. Он при любых условиях не будет искажать истину. Совсем иное — свидетель, заинтересованный в сокрытии правды. За время до явки к следователю он успеет и обдумать, и согласовать с кем нужно ложную свидетельскую позицию, заручиться наперед поддержкой своих ложных показаний другими лицами. Таким образом, вместо значительных тактических преимуществ, приносимых внезапностью допроса, следователь ставит себя в заведомо худшее по отношению к допрашиваемому положение, находясь в котором, ему будет трудно, а порой и невозможно, достичь целей допроса.

Лучший способ обеспечить внезапность — явиться для допроса свидетеля к нему на работу (естественно, в его рабочее время), причем без предварительного предупреждения.

В этих же целях можно допросить свидетеля (потерпевшего) и в его доме (квартире). Закон не запрещая таких допросов (но не в ночное время). Однако этим при этом следует пользоваться крайне осторожно. Допрашивая свидетеля в его доме, следователь, образно говоря, играет на чужом поле. «Свое поле» дает допрашиваемому несомненные преимущества как хозяину и, напротив, существенно ограничивает возможности следователя, так как — он незваный гость. Следователь вынужден приспосабливаться к обычному для жизненного уклада семьи свидетеля ходу событий. Необходимой доверительной обстановки для допроса может и не быть (рядом жена, дети свидетеля, уйти которым некуда, и т. п.). Текущие потребности семьи и какие-либо неотложные семейные обязанности могут отвлекать допрашиваемого, а он, в свою очередь, может использовать эти обстоятельства как возможность лучше обдумать ответ на вопросы или уклониться от ответа.

Однако главная опасность — не в этом, а в том, что в чужом доме (квартире) следователь может стать жертвой неожиданного, спровоцированного допрашиваемым или членами его семьи события. И если такое событие вызовет у следователя состояние фрустрации (растерянности, дезорганизованности) либо он неправильно оценит ситуацию, то его действия по выходу из этой ситуации могут быть не самыми разумными с позиций самозащиты, законности или этики.

Но если даже ничего неожиданного не случилось и допрос прошел в обычном порядке — это не означает, что все закончилось хорошо. Недобросовестный допрашиваемый, считая выгодным для себя или иных лиц скомпрометировать следователя, лучшего случая, чем приход следователя к нему домой (да еще вечером), искать не будет. Достаточно сочинить и направить по инстанциям письменный пасквиль о недостойном поведении следователя в доме допрошенного (скажем, пришел пьяным, буйствовал, оскорблял, угрожал «посадить», приставал к жене или дочери, вымогал взятку и т. п.). Помимо заявителя эти «факты» подтвердят один-два взрослых члена его семьи и... неприятности для следователя начались.

Тем не менее бывают случаи вполне оправданного допроса свидетелей (потерпевших) у них на дому. К ним относятся допросы стариков, людей с ограниченной подвижностью, слабым зрением, а также тяжело больных. Здесь риск «нарваться на неприятности» заведомо нейтрализуется очевидно гуманистическими побуждениями следователя. К тому же вероятность провокаций со стороны людей указанных категорий — ничтожна.

Подбор материалов

Предварительная подборка необходимых материалов дела и вещественных доказательств требуется в связи с прогнозированием в отдельных случаях сопротивления допрашиваемого установлению истины и вероятности сложной тактической борьбы. Часто можно предвидеть и по каким конкретным вопросам пойдет тактическая борьба. При этом следует не только подобрать нужные материалы, но и наметить тактически наилучшую последовательность их использования при допросе, сделать в соответствующих местах уголовного дела закладки, пронумеровать их для быстрого отыскания доказательства в нужный момент допроса. Эти подготовленные к предъявлению на допросе доказательства, включая и вещественные, как раз и призваны сыграть роль тактических (информационных) ударов, направленных на разрушение ложных утверждений допрашиваемого. Не провести такой работы перед заведомо ответственным, конфликтным допросом — значит поставить под удар успех допроса, достижение его целей.

Использование дополнительных средств фиксации

Необходимость использования звуко- или видеозаписывающей техники как средства дополнительной фиксации хода и результатов допроса может обуславливаться многими тактическими соображениями (в дальнейшем с целью сокращения текста будет говориться только о видеозаписи, видеоматериалах, видеодокументах, хотя при этом будут иметься в виду соответственно и звукозапись, и фономатериалы, и фонодокументы).

Анализ современной практики показывает, что видеозапись допросов применяется гораздо реже, чем это требуется. Причем не так мало следователей, которые такую запись вообще ни разу не проводили. Формально это объясняют чаще всего отсутствием на местах видеотехники, полагая, что этот аргумент убедителен. Фактически же этот вид криминалистической техники не применяется в силу незнания или недооценки тактического значения его использования и нежелания утруждать себя дополнительными заботами по подготовке и применению этих средств, поскольку это усложняет процедуру и удлиняет время допроса.

Какой же важный в тактическом отношении материал могут дать следователю видеодокументы допроса?

Закон определяет возможность их использования в процессе доказывания в качестве приложений к протоколу допроса. Главное достоинство этих документов состоит в том, что в них может содержаться существенная для расследования информация, которой нет, да и не может быть в протоколе допроса. В частности, в материалах видеозаписи фиксируются и речевые, и лексические особенности рассказа допрашиваемого, его жестикация и мимические реакции по ходу дачи показаний, а также паузы в рассказе или при ответах на вопросы, определенным образом характеризующие процесс осмысления и подготовки допрашиваемым ответов на вопросы, и многое другое. В совокупности же такие детали видеодокументов отражают ту степень психологической свободы и раскованности лица на допросе, которая убеждает в искренности его показаний.

Но эти документы могут столь же ярко говорить и о противоположном: о трудно объяснимой для лица, дающего якобы правдивые показания, напряженности, не-

мотивированно тщательном (для простой правды) обдумывании ответов на вопросы следователя, уклонении от четких и однозначных ответов на них, многочисленных противоречиях «правдивого» рассказа и неубедительном их объяснении. При этом можно наблюдать ерзанье на стуле, неоправданную подвижность, потовыделение и иные динамические и психофизиологические проявления огромного напряжения, неадекватного ситуации бесконфликтного (при даче правдивых показаний) допроса. Сопоставляя такое поведение лица с содержанием его показаний и характером ответов на вопросы следователя, нетрудно прийти к выводу, что допрашиваемый ведет борьбу со следователем и правдой.

Нельзя обойти вниманием и еще одну важную сторону содержания рассматриваемых документов. Отражая всю процедуру допроса, они свидетельствуют и о том, каким образом следователь вел допрос, в частности, не допустил ли нарушения прав участников допроса и норм, регламентирующих его проведение, а также этических норм.

Материалы видеозаписи допроса, проведенного следователем без каких-либо нарушений закона и этических норм (а так, как правило, и бывает), лишают заинтересованных лиц возможности скомпрометировать результаты допроса с помощью ложных заявлений о допущенных следователем нарушениях закона. Эти лица понимают, что именно анализом данных видеоматериалов их ложные утверждения будут без труда опровергнуты.

Наличие видеодокументов допроса, в ходе которого были получены правдивые показания, безусловно, затрудняет последующее изменение показаний допрошенным, хотя и не исключает этого. Во всяком случае, аргументы типа «я этого не говорил», «следователь запугивал меня» и т. п., обычно объясняющие такого рода изменения показаний, уже не пройдут.

К сказанному можно добавить, что в ряде ситуаций при допросе или при очной ставке использование видеозаписи приобретает особое тактическое значение. Так, можно, на наш взгляд, считать обязательным применение видеосъемки при допросе:

- 1) потерпевшего, находящегося в опасном для жизни состоянии (учитывая, что в случае его смерти исчезнет возможность допросить его еще раз);
- 2) потерпевших по делам об изнасилованиях (поскольку впоследствии они часто кардинально меняют первоначально обвинительные показания на оправдательные);
- 3) потерпевших от преступлений, совершенных на почве конфликтов между членами семьи или родственниками (поскольку впоследствии вероятен их сговор и принципиальное изменение показаний);
- 4) свидетелей, являющихся единственными очевидцами преступления (ибо они могут подвергнуться воздействию заинтересованных лиц и существенно изменить показания);
- 5) потерпевших и важных свидетелей, если они вскоре после допроса должны отбыть, например, в длительную командировку (этим заведомо исключается возможность их повторных допросов и проведения очных ставок);
- 6) подозреваемых и обвиняемых, готовых дать правдивые показания, о чем можно узнать из беседы с ними в *начальной фазе* допроса (с учетом таких ситуаций — а им цены нет! — должна быть заранее отлажена система быстрого, в 10-15 минут,

введения в действие видеозаписывающей техники);

- 7) подозреваемого или обвиняемого в случаях, когда у следователя появилось достаточное количество доказательств его виновности в преступлении, а также доказательств, опровергающих выдвинутое им ложное алиби (чтобы дополнительно зафиксировать убедительное — при таких доказательствах — изобличение обвиняемого);
- 8) на очной ставке, если есть основания опасаться поведенческих эксцессов, в частности, агрессии со стороны кого-либо из ее участников (видеозапись будет сдерживающим фактором, а в крайнем случае зафиксирует агрессию. Помимо этого, конечно, ничто не мешает следователю пригласить в кабинет на весь период очной ставки конвоира либо просто милиционера).

Естественно, в ходе расследования могут возникать и другие ситуации, в которых применение видеозаписи при допросе окажется тактически целесообразным, и это надо всегда иметь в виду.

2.2. Основные методы и приемы допроса

2.2.1. Типичные ситуации, складывающиеся при допросе

Как известно, основная цель допроса — получение правдивой информации об обстоятельствах, имеющих значение по делу. По отношению к данной цели в криминалистике выделяют три типичные ситуации при допросе:

- 1) бесконфликтную;
- 2) конфликтную с нестрогим соперничеством;
- 3) конфликтную со строгим соперничеством.²

Бесконфликтная ситуация характерна тем, что в ней совпадают цели допрашивающего и допрашиваемого. Следователь желает получить от допрашиваемого правдивые показания, а тот намерен их дать. Налицо кооперация интересов. В такой ситуации нет сопротивления, противодействия.

Иное дело — два других вида ситуаций. Оба они связаны с противодействием допрашиваемого в установлении истины. Различие их состоит в степени противодействия, в уровне соперничества допрашиваемого со следователем за проведение «своей линии», своих интересов.

Нестрогое соперничество имеет место при частичном признании вины обвиняемым (подозреваемым — подозреваемым) и выражается в попытках частично исказить в свою пользу реальную картину преступления. Такая позиция избирается им в случаях, когда целиком отрицать свою причастность к преступлению он не может, ибо нет, что есть очевидные уличающие его факты, которыми уже располагает следствие или без особого труда может их установить. Поэтому свое сопротивление он сосредоточивает лишь на тех отдельных сторонах криминала, о которых, по его мнению, следствию может быть известно менее всего и по поводу которых решающее значение могут иметь именно его показания. Чаще всего к таким сторонам относятся мотивы преступления и иные обстоятельства, могущие иметь значение смягчающих ответственность. Такие обстоятельства, которые подчас трудно бывает опровергнуть, нередко придумываются допрашиваемым и выдаются за реальные.

В ряде случаев позицию нестрогого соперничества могут занимать и свидетели, а

также потерпевшие, заинтересованные в определенном исходе дела.

Строгое соперничество характеризуется полным отрицанием подозрений или вины в преступлении, иногда вопреки здравому смыслу, и выражается в крайних, предельных по степени упорства формах сопротивления допрашиваемого установлению истины по делу, вплоть до отказа от дачи показаний.

Данная ситуация наиболее типична для допросов лиц, совершивших тяжкие преступления в условиях неочевидности. Высокий уровень сопротивления этих лиц по-своему логичен — слишком велико грозящее им в случае разоблачения наказание и связанные с ним лишения, чтобы не попытаться всеми возможными средствами избежать этого. Встречаются также случаи, когда подобную по упорству позицию занимают свидетели — кто-либо из родственников или друзей преступника. Мотивация их действий примерно та же. Иногда они готовы принести себя в жертву (в виде недоносителя, лжесвидетеля) во имя спасения своего родственника, друга, если уверены, что это поможет достигнуть желаемого результата.

Разумеется, эта ситуация для следователя — наисложнейшая. Она требует концентрации всех его духовных и физических сил, профессионализма, всестороннего и глубокого знания особенностей личности допрашиваемого, а также особо тщательной подготовки к допросу.

2.2.2. Методы воздействия на допрашиваемого. Понятие тактического приема

Психологическая сущность допроса — это взаимодействие, а точнее — взаимовоздействие друг на друга его участников. Поэтому, прежде чем говорить о тактических приемах допроса, следует вкратце остановиться на рассмотрении вопроса более общего порядка — о методах психологического воздействия на допрашиваемого.

К числу допустимых, не противоречащих закону методов воздействия на допрашиваемого относятся такие заимствованные из педагогики и широко используемые в повседневной следственной практике методы, как убеждение, внушение, приведение примера, изобличение и другие.³

Метод **убеждения** состоит в передаче лицу определенных сведений с целью склонить это лицо к конкретному мнению или поступку путем воздействия на его эмоциональную, интеллектуальную и волевую сферы. Метод рассчитан на активизацию положительных качеств личности.

Психологическое **внушение** может состоять в определенных советах, просьбах, предложениях, предостережениях и предупреждениях, адресуемых допрашиваемому с целью повлиять на его поведение или побудить к совершению определенного поступка, а также в воспитательных целях. Оно реализуется как четко выраженное волеутверждение следователя, содержащее в своей основе идею управления поведением лица при его допросе.

Довольно успешно применяется такой метод психологического воздействия на допрашиваемого, как **пример**. Это может быть пример из жизни или следственной практики, в том числе и собственной. Суть его — сообщение допрашиваемому о реальных положительных поступках других лиц в ситуациях, сходных со сложившейся для допрашиваемого.

Сущность метода **изобличения** состоит в активном, главным образом логическом воздействии на допрашиваемого путем опровержения отдельных его утверждений совокупностью доказательств, добытых в ходе расследования, и последующего обобщающего вывода о несостоятельности его позиции и показаний по делу в целом.

Нетрудно заметить, что названные методы тесно переплетаются между собой, особенно три первых. Это объясняется тем, что крайне трудно четко разграничить их по содержанию. И тем не менее общее представление о них следователю необходимо иметь.

Переходя к рассмотрению тактических приемов при допросе, следует определиться в исходном понятии.

Возьмем за основу общеупотребительное понимание **тактического приема** как способа действия, призванного обеспечить достижение целей любого вида деятельности. Применительно к допросу тактический прием можно определить как основанный на законе и согласующийся с нравственными требованиями способ воздействия допрашивающего на допрашиваемого с целью получения с наименьшей затратой сил и времени всесторонней, полной и объективной информации по делу.

Очевидно, что в ходе даже несложного допроса следователь применяет не один, а несколько тактических приемов. Допросы же, протекающие в условиях соперничества, требуют применения целого ряда приемов, смены одних другими, когда примененные не дали желаемого результата.

На их выбор влияют: вид сложившейся ситуации, количество и качество имеющихся к моменту допроса доказательств, особенности личности допрашиваемого и другие факторы. Многое зависит и от уровня профессионализма следователя, от арсенала тактических приемов, которыми он владеет.

2.2.3. Тактические задачи при установлении, поддержании и закреплении психологического контакта с допрашиваемым

Главная психологическая задача *вводной (начальной) фазы допроса* — установление психологического контакта с допрашиваемым, а основная тактическая цель — выполнение этой задачи с помощью определенных тактических средств. В этой фазе допроса происходит очное изучение личности впервые допрашиваемого. Получаемые при этом непосредственные представления следователь сопоставляет с данными заочного изучения (проводившегося на этапе подготовки к допросу) и, суммируя всю полученную информацию о допрашиваемом, намечает общую стратегию допроса.

К числу тактических средств, используемых для установления психологического контакта с допрашиваемым, относятся тактические приемы **эмоционального воздействия**. Среди них можно выделить:

- 1) вовлечение в беседу по теме, представляющей взаимный интерес (как правило, он возникает, если тема беседы затрагивает общность «мы»: мы — отцы, мы — спортсмены, мы — книголюбители и т. п.);⁴
- 2) снятие психологической напряженности лица, вызванного допросом;
- 3) создание благоприятной обстановки допроса (ровный, спокойный тон разговора, уважительность к собеседнику, проявление такта, внимания к нему, понимание его проблем и т. п.);

4) обращение к положительным качествам личное in собеседника, к его заслугам, знакам общественного признания и уважения и т. д.

В *основной (рабочей) фазе допроса* психологическоп задачей следователя является поддержание и укрепление психологического контакта с допрашиваемым, а тактической — получение правдивых показаний. В ходе свободного рассказа допрашиваемого о событии, входящем в предмет допроса, следователь может использовать такие тактические приемы, как напоминание о чем-либо; уточнение, детализация чего-либо из сказанного; пресечение лжи в начале рабочей стадии допроса и т. п.

В *завершающей части допроса* важно закрепить психологический контакт с допрашиваемым на случай возможного в дальнейшем его участия в других следственных действиях. Тактическая же задача при этом — оценить полученную информацию с позиций ее всесторонности, полноты и объективности и, при обнаружении пробелов, восполнить их с помощью постановки дополнительных вопросов.

2.2.4. Приемы, используемые в бесконфликтном допросе

Спектр тактических приемов, обычно применяемых в бесконфликтных ситуациях, довольно узок, так как допрашиваемый не препятствует установлению истины. Основное их значение — помочь допрашиваемому в припоминании, детализации тех или иных сведений об освещаемом им событии. К их числу криминалисты относят приемы смежности, сходности, наглядности, контрастности и др.⁵

Прием **смежности** позволяет установить определенные сведения о событии или предмете, которых допрашиваемой не помнит, с помощью сведений о других событиях или предметах, находившихся в пространственной или временной связи с искомыми. Например, очевидец криминального события не может вспомнить его дату. Тогда следователь предлагает ему вспомнить другие события того дня, которые предшествовали криминалу или последовали за ним. Среди ряда частных событий, о которых расскажет очевидец, нетрудно выбрать такие, дату которых легко установить либо на этом же допросе, либо с помощью других следственных действий. Скажем, свидетель сообщит, что увидел преступление, возвращаясь от сестры, к которой заходил после зарплаты, чтобы отдать ей долг. Установить день зарплаты, а с ним и дату преступления (они — смежные со- '>1тия) теперь не составит труда.

Прием **сходности** применяется в случаях, когда доращиваемый затрудняется вспомнить или правильно выразить в словесной форме какой-либо признак интересующего следствие явления, лица или предмета. Тогда допрашиваемому представляется подобрать аналог этому признаку, например назвать известного всем (через телевидение, кино, театр и т. п.) человека либо знакомый всякому предмет с таким же признаком.

Именно аналог делает ясным для следователя содержание искомого признака.

Очень близок к названному прием **наглядности**. С его помощью также можно получить точную словесную либо цифровую характеристику того или иного признака события, действия, предмета. Иногда бывает трудно точно назвать цвет предмета, описать его форму, указать расстояние между объектами. Здесь может помочь классификатор цветов, цветовые аналоги — предметы, находящиеся в кабинете

следователя или видимые через окно на улице (дома, автомашины, киоски и т. д.). Правильность названного допрашиваемым расстояния между конкретными объектами обстановки места происшествия можно проверить, подведя его к окну кабинета 1 предложив показать любые два объекта на улице, находящиеся примерно на таком же расстоянии. При явно) ошибке допрашиваемого в цифровом определении расстояния он сам производит корректировку своих первоначальных утверждений и правильный, проверенный согласованный с допрашиваемым ответ записывается) следователем.

Прием **контрастности** может помочь в припоминании таких обстоятельств, по поводу которых сначала допрашиваемый говорил «не помню», «забыл». Вот пример применения такого приема: на вопрос следователя? «Какого роста были оба нападавших?», допрашиваемый ответил: «Не помню». Тогда вопрос был дополнен контрастом: «Они были одинакового роста или различались?» Ответ после небольшой паузы: «Один был выше другого почти на голову, а тот, что меньше, — примерно с меня ростом». Теперь выяснение роста преступников проблемы не составляет.

2.2.5. Приемы, используемые при конфликтном допросе

Гораздо шире спектр тактических приемов, используемых в ситуациях, когда допрос носит конфликтный) характер, и сами приемы по своему содержанию сложнее рассмотренных выше. Их выбор в значительной мере связан с количественной и качественной характеристикой доказательственной базы, которой располагает следователь к моменту допроса.

Все различия в доказательственной базе при их обобщении можно свести к трем следующим позициям:

- 1) имеется совокупность доказательств, вполне достаточная для изобличения допрашиваемого во лжи и, часто, в совершении преступления;
- 2) такие доказательства имеются, но их недостаточно для изобличения допрашиваемого;
- 3) есть некоторые косвенные доказательства, дающие основание лишь для подозрений, не более.

Предъявление доказательства как тактический прием

При наличии доказательств, полностью изобличающих допрашиваемого, не желающего давать правдивых показаний, должны быть стимулированы все его положительные личностные качества, логически правильно и тактически умело предъявлены доказательства. Практические работники считают предъявление доказательств **основным тактическим приемом допроса**, и это вполне понятно, так как в большинстве случаев следователь получает результат, к которому стремился.

Как отмечает А. Б. Соловьев, «...использование доказательств при допросе представляет собой тактический прием по реализации находящейся в распоряжении следователя доказательственной информации как путем непосредственного ее предъявления (демонстрации), так и опосредованными способами ознакомления с ней допрашиваемого с целью изменения ошибочной или ложной позиции, а также получения от него показаний о предъявленных ему доказательствах и связанных с

ними обстоятельствах расследуемого уголовного дела».⁶

Использование доказательств для изобличения — сложная тактическая задача, требующая высокого профессионального мастерства следователя, тщательной предварительной подготовки, тактической гибкости. Практикой выработаны различные способы использования доказательств при допросе.

Один - *предъявление доказательств в порядке возрастающей силы*. Сначала предъявляются менее значимые, затем более значимые и наконец вводятся решающие доказательства, свидетельствующие о совершении расследуемого преступления конкретным лицом.

Другой, противоположный способ связан с предъявлением в первую очередь *наиболее веского, решающего доказательства*. В случаях, когда следователь имеет дело с лицом, впервые совершившим преступление и остро переживающим содеянное, имеет смысл сначала предъявить наиболее веское доказательство, например показания свидетеля-очевидца по делу об убийстве, и, затем, с учетом степени его воздействия на допрашиваемого, решить — есть ли необходимость приводить другие, менее значимые доказательства, например косвенные. Такой порядок тактически более прост и экономит время и усилия следователя.

Третий способ — предъявление по *многоэпизодным делам отдельных доказательств или их групп по разным эпизодам*. Как показало изучение практики, при разоблачении ложных показаний обвиняемых по таким делам следователи предпочитают использовать имеющуюся у них совокупность доказательств на одном из допросов, не распылять ее частями на нескольких, охватывая каждый раз лишь часть эпизодов. Это позволяет с большей эффективностью использовать и элемент внезапности предъявления отдельных доказательств и, кроме того, создает солидный, концентрированный фон общего изобличения лица в преступной деятельности в целом, который может поколебать и разрушить его прежнюю позицию. При этом последовательность анализа эпизодов и приведения по ним доказательств следователь определяет сам, не связывая себя хронологией эпизодов. Можно щедро привести доказательства по ряду хорошо доказанных эпизодов, чтобы попытаться убедить допрашиваемого в бессмысленности — на фоне общего изобличения — сопротивления по другим, менее доказанным эпизодам.

Комплексное использование приемов

Необходимость в широком использовании при допросе комплекса простых и сложных тактических приемов возникает в ситуациях, когда доказательств недостаточно, либо имеются лишь косвенные доказательства. В этих ситуациях могут успешно применяться **следующие тактические приемы**.

Беседа

Данный прием имеет весьма широкий спектр применения. По форме — это доверительный разговор, который может предшествовать допросу, а иногда становиться его частью. Сама по себе беседа не решает задач допроса, а служит лишь тактическим средством для их решения. Цель беседы состоит в оказании на собеседника психологического (главным образом эмоционального) воздействия в нужном следователю направлении. В одних случаях беседа полезна для

установления психологического контакта с допрашиваемым, в других — имеет профилактический характер (например, если во вводной части допроса замечены колебания, элементы неуверенности в поведении), в третьих — преследует «разведывательные» цели, когда важно выяснить настроение и намерения лица перед допросом или допрошенного ранее лица, скажем, перед очной ставкой либо другим следственным действием с его участием. Беседа, как правило, не фиксируется письменным документом, ибо процессуального значения не имеет. Однако если в ходе беседы неожиданно получают освещение проблемы, входящие в предмет доказывания по делу, то разговор следует перевести в допрос и зафиксировать необходимые сведения в обычной протокольной форме.

Управляя ходом допроса, следователь в соответствии с законом занимает доминирующую позицию в диалоге, тогда как допрашиваемый — относительно пассивную: он лицо управляемое (не он, а ему задают вопросы и, будучи свидетелем или потерпевшим, он обязан отвечать на них). Беседа же протекает по иным законам. Она требует^ определенного равенства сторон. Именно при этом усло-| вии она может приобрести тот особый доверительный! характер, который и делает ее тактически значимой. В| беседе следователь должен в известной мере раскрыться, как человек, а иногда — дозировано — и как профессионал, показать себя лицом, достойным доверия, способным понять чужую тревогу и боль, человеком, который не злоупотребит искренностью собеседника.

Поскольку беседа — это более или менее длительная тактическая процедура, причем далеко не всегда простая, следователь должен использовать (при необходимости) и другие, более частные тактические приемы.

Снятие напряжения

Следственная практика свидетельствует, что вызванные на допрос лица уже в момент явки в кабинет следователя нередко находятся в состоянии психического напряжения, либо приходят в такое состояние в ходе до-проса. Естественно, это затрудняет ведение и ограничивает возможности достижения целей допроса. Следователь должен уметь замечать внешние проявления психического напряжения и использовать свои наблюдения в тактических целях.

Обычно о психическом напряжении допрашиваемого говорят не соответствующие ситуации нормального делового общения закрепощенность, скованность в речи, движениях, реакциях или, напротив, повышенная моторика, рассеянность и другие аномалии в его поведении. Снять такое напряжение можно с помощью тех или иных тактических приемов, выбор которых зависит и от знания следователем причин напряженности собеседника, и от правильности оценки свойств его личности.

В одних случаях данное напряжение может обуславливаться самим фактом вызова гражданина (впервые в его жизни, например) на допрос в следственные органы. Это наблюдается у людей добропорядочных, но слабохарактерных, боящихся властных, силовых структур. В такой ситуации бывает достаточно нескольких простых, успокаивающих слов, проявления внимания и благожелательного тона в начале беседы, чтобы напряжение у собеседника быстро исчезло.

В других случаях психическое напряжение вызванного на допрос может быть связано с совершением им преступления, не известного следователю. Он боится

допроса, полагая, что речь пойдет о его «грехах». Но, узнав, что предмет допроса с его криминальным поступком не связан, допрашиваемый обычно успокаивается, и допрос входит в нормальное русло.

Чаще всего психическое напряжение определяется заинтересованностью допрашиваемого в сокрытии своей или чьей-либо причастности к преступлению и необходимостью в связи с этим лгать, скрывать определенные факты, исследуемые на допросе. Напряжение при этом вызывается боязнью допустить ошибку в борьбе со следователем, опасениями, что заготовленная ложная версия может быть опровергнута. В такого рода ситуациях следует, выбрав удобный момент, указать допрашиваемому на несколько конкретных признаков его напряженного состояния, отметив несоответствие последнего правдивым, по его утверждению, показаниям. Затем нужно сообщить, что его показания не соответствуют действительности и это несложно доказать, и что ему лучше не обременять себя ложью, а перейти к даче правдивых показаний.

Умело используя эти и подобные им аргументы общего порядка, следователь может убедить допрашиваемого в бесполезности сопротивления и получить правдивые показания. Если же это не даст положительного результата, следует применить другие тактические приемы, скорее всего — связанные с предъявлением конкретных доказательств.

Использование положительных качеств личности допрашиваемого

Давая ложные показания, намеренно противодействуя установлению истины, субъект понимает, что действует противоправно и аморально, что тем самым проявляет на допросе далеко не лучшие свои человеческие и гражданские качества. Поэтому обращение следователя к лжесвидетельствующему не с осуждением и негативными, критическими оценками, к которым тот бы.ч готов заранее, а с высокой оценкой его некоторых положительных качеств, поступков, достижений может оказаться весьма неожиданным для него. Умело сопоставляя позитивные личностные качества допрашиваемого, его высокий авторитет, заслуги в настоящем или прошлом и т. п. с конкретным фактом лжесвидетельства, способным перечеркнуть в его судьбе все заслуги и достижения можно побудить его к отказу от принятой первоначально позиции и даче правдивых показаний. При этом полезно предъявить допрашиваемому его положительные характеристики, показания друзей, коллег по работе о его достижениях, положительных чертах и высокой оценке, почетные грамоты и другие документы, свидетельствующие о его заслугах и авторитете.

Так, директор комбината бытового обслуживания Ковалев был задержан за дачу взятки. Ранее он был награжден медалью «За боевые заслуги». Следователь сумел показать Ковалеву несопоставимость его настоящего со славным прошлым. Это подействовало на Ковалева, и он рассказал не только о даче взятки, но и том, что систематически получал их от подчиненных. В дальнейшем, стремясь искупить вину, исправить причиненное им зло, он активно помогал следствию в полном раскрытии всех фактов взяточничества.⁷

На практике встречаются случаи «вынужденного» лжесвидетельства, обусловленного угрозами физической расправой со стороны заинтересованных лиц. Здесь тактическая задача следователя — по возможности погасить у

допрашиваемого чувство страха и опасений, показывая маловероятность реализации угроз, с одной стороны, и гарантируя принятие мер по обеспечению его безопасности, — с другой.

Пресечение лжи

Когда на допросе лицо дает ложные показания, перед следователем возникает проблема — как поступить:

оформить эти показания протоколом в обычном порядке, надеясь в ходе дальнейшего расследования опровергнуть их, или с помощью тактического воздействия на допрашиваемого (эмоционального либо логического) попытаться пресечь лжесвидетельство на уровне рассказа (до записи в протокол) и добиться правдивых показаний.

Первый вариант плох потому, что записанные ложные показания лица в дальнейшем будут связывать его и существенно затруднят переход к правде. Второй же позволяет завершить допрос получением правдивой информации. Если следователь имеет доказательства для опровержения ложных утверждений допрашиваемого, то ими нужно воспользоваться. Последовательным предъявлением доказательств допрашиваемому (логическое воздействие) можно обесценить в его сознании идею лжесвидетельства и побудить к отказу от нее.

В ходе допроса водитель Н., совершивший наезд на велосипедиста, вследствие чего тот погиб, стал утверждать, что наезд произошел исключительно по вине погибшего, резко вильнувшего рулем велосипеда влево. Это утверждение противоречило материалам осмотра места происшествия, фотоснимкам следов на автомобиле и велосипеде, свидетельствовавшим о том, что при столкновении контакт произошел между центральной частью переднего бампера автомобиля и задним колесом велосипеда, находившимся по отношению автомашине в перпендикулярном положении. После предъявления этих материалов, ложь допрашиваемого сразу же была разоблачена, и он стал говорить правду.

Когда необходимых доказательств очень мало либо они требуют проверки, то использовать их при допросе нельзя. Логическое воздействие тем самым исключается. Остаются возможности лишь эмоционального воздействия на допрашиваемого. И здесь все зависит от мастерства следователя, с одной стороны, и от личностных особенностей допрашиваемого — с другой. Если указанные попытки не принесут успеха, то ситуация вынужденно разрешается по первому варианту (в протоколе оказываются зафиксированными ложные показания субъекта).

Выжидание

В психологической установке лица на дачу ложных показаний изначально заложен (в соответствии с известным законом диалектики) противоположный компонент — сомнения в полезности и целесообразности реализации этой установки при определенных условиях.

Следственная практика показывает, что при одних условиях у допрашиваемого не

возникает сомнений в необходимости давать ложные показания, а при других, напротив,— сомнения эти настолько актуализируются в его сознании, что заставляют отказаться от первоначальной установки и формируют новую — говорить правду.

В основе указанных сомнений лежит понимание свидетелем (потерпевшим) противоправности лжесвидетельства и, как следствие, вероятности привлечения к уголовной ответственности, а для подозреваемого, обвиняемого — будущего подсудимого — понимание того, что лжесвидетельство может быть расценено судом как акция непокаяния и привести к ужесточению наказания.

На учете названных сомнений как раз и основывается применение тактического приема выжидания. Столкнувшись с ложной версией, следователь должен попытаться убедить допрашиваемого в том, что следствие располагает достаточными возможностями опровергнуть его утверждения. Приведя необходимые аргументы, следователь объявляет небольшой перерыв в допросе и предлагает допрашиваемому подумать о сказанном (оставаясь в кабинете или предложив выйти в коридор), взвесить все «за» и «против» и принять решение о характере показаний, которые он после этого перерыва будет давать. Суть приема состоит в том, чтобы сначала обесценить ложную версию и параллельно актуализировать блокирующие эту версию сомнения, а затем оставить допрашиваемого на некоторое время наедине с самим собой в ситуации нарушенного психологического равновесия (с задачей сделать окончательный выбор). Умелым применением данного приема, актуализирующего борьбу положительных и отрицательных мотивов у допрашиваемого, следователь чаще всего добивается успеха.

Допущение легенды

Данный тактический прием даст хорошие результаты во многих ситуациях, но особенно — при опровержении ложных алиби.

Столкнувшись с ложными показаниями, следователь должен сделать вид, будто верит всему, о чем говорит допрашиваемый, скрывающий свою или чью-либо причастность к преступлению. В тактических целях он имитирует принятие ложной версии допрашиваемого, т. е. допускает легенду. В рамках этой легенды необходимо использовать другой тактический прием — детализацию показаний.

Желая придать убедительность своим показаниям, лгущий вынужден насыщать свой рассказ многочисленными и четко обрисованными деталями. Это несложно, когда описывается какое-то реальное, истинное событие. Лгущий же рассказывает о событии, дающем ему алиби либо полностью вымышленном, нереальном, либо имевшем место в прошлом, но сознательно смещенным во времени на период совершения преступления. Готовясь к допросу, лжец формулирует свою версию схематично, в общих чертах, придумывает для ее иллюстрации лишь несколько деталей, ошибочно полагая, что этого будет достаточно. Задача же следателя — поставить перед допрашиваемым как можно больше (50, 70, 100) вопросов и именно о деталях описываемого им события. Эти вопросы и призваны заставить «героя легенды» врасплох.

Сложность его положения состоит в том, что он не может давать неинформативных ответов на требующие деталей вопросы следателя, так как сразу подорвет доверие к своей версии. Ему нельзя говорить «не знаю», «не видел», «не заметил», «не обратил внимания», ибо у него нет выбора: он связан своей

версией и обязан подкреплять ее позитивными ответами на вопросы следователя, касающиеся деталей. А поскольку событие, дающее ему алиби, — вымышленное, детали к его ложной схеме заранее продуманы не были, то дающему ложные показания ничего другого не остается, как «на ходу» сочинять, придумывать эти детали.

Если в основу алиби лжец положил реальное событие прошлого, но искусственно сместил его во времени, то при проверке выдвинутое алиби не только не получит подтверждения, но будет со всей очевидностью опровергнуто.

Допущение легенды в сочетании с детализацией показаний очень эффективно и в борьбе со сложным, согласованным с одним или несколькими лицами алиби. Каждое из этих лиц на допросе будет, естественно, излагать общую, согласованную версию (например: «Мы все трое были у Ивана с 18 до 23 часов, пили чай, смотрели телевизор, потом разошлись»), а также назовет 3-4 заранее оговоренные детали в ее подтверждение. Следователь же своими многочисленными и одинаковыми для каждого допрашиваемого вопросами о деталях^ «прихода к Ивану и ухода от него», чаепития (20-30| вопросов только по процедуре чаепития), о последовательности и содержании телепередач, об одежде каждого из них «в тот день», о порядке размещения за столом и т. д. поставит их перед необходимостью сочинять, придумывать «на ходу» эти детали. Но каждый придумает разные, и они не совпадут. Таким образом, согласованная ложь станет очевидной.

Внезапность вопроса или предъявления доказательства

По ходу изложения допрашиваемым своих ложных построений следователь, определив нужный момент, за- дает ему вопрос не по теме его рассказа, а о том или ином обстоятельстве его (или другого лица) причастности к преступлению. В таком контексте вопрос приобретает характер внезапного, неожиданного. Чтобы заранее повысить эффект этого тактического (информационного удара, следует сначала задать большое число вопросов в русле темы, излагаемой допрашиваемым, создавая видимость, что только эта тема и интересует следователя. Внезапный вопрос необходимо ставить в очень кратко! и четкой редакции, чтобы не дать возможности допрашиваемому сделать вид, что он не понял вопроса и просит повторить его. Задавать этот вопрос нужно в том же тоне и темпе, как и все предыдущие, так как изменение голосовых модуляций при его постановке насторожит собеседника прежде, чем завершится формулировка вопроса.

Внезапный вопрос рассчитан на создание стрессового состояния допрашиваемого. Оно возникает в силу резкого контраста между длительной спокойной беседой и неожиданным переходом к другой, нежелательной и опасной для него теме. Этот вопрос выражает уверенность следователя либо в совершении преступления самим допрашиваемым либо в сознательном сокрытии им лиц, его совершивших. По содержанию вопрос может касаться преступления и как целостного события, и любой из его отдельных сторон.

Следует добавить, что данный прием может успешно применяться вслед за «допущением легенды». Длительное обсуждение оправдательной легенды и ее детальная запись в протоколе (помимо своих собственных тактических целей) служит прекрасной тактической составляющей для внезапной постановки «ударного» вопроса, а равно для внезапного предъявления доказательства, изобличающего

допрашиваемого во лжи.

Однако внезапным при допросе может быть не только вопрос, но и предъявление доказательства (чаще всего вещественного). Неожиданное предъявление предмета, документа, имеющего очевидное обвинительное значение, используется как тактический, информационный удар, как резкий контраргумент против легенды допрашиваемого, по существу опровергающий ее. Нетрудно себе представить эффект предъявления находящегося под арестом лицу, обосновывающему при допросе ложное алиби, написанной им и отправленной нелегально «на волю», но перехваченной работниками следственного изолятора записки, текст которой изобличает его в преступлении.

Запланировав еще на этапе подготовки к допросу внезапное предъявление предмета или документа, следует сначала наметить место его скрытного предварительного размещения при допросе, а затем определить место и, хотя бы примерно, момент неожиданной демонстрации этого предмета (документа) перед допрашиваемым. При этом нужно учесть возможность попытки допрашиваемого неожиданно для следователя завладеть этим доказательством (с целью уничтожить его или использовать как орудие насилия против следователя) и принять меры предосторожности. Факт предъявления доказательства должен быть отражен в протоколе допроса, попытка незаконно завладеть им, а тем более уничтожить или использовать против следователя — тоже.

Отвлечение внимания

Данный тактический прием надлежит применять в ситуациях, когда следователь уверен, что допрашиваемый (чаще всего — подозреваемый) не даст правдивых показаний о каком-либо событии, связанном с преступлением. Суть приема состоит в том, что с целью отвлечения внимания допрашиваемого от связи данного события с преступлением следователь ставит это событие в совершенно иной контекст, что и обеспечивает получение правдивой информации о данном событии.

Так, из показаний торгового работника В. стало известно, что одну из взяток инспектору М. он передал в его квартире в присутствии отца М. Последний еще посочувствовал В., сетовавшему на трудности работы в торговле, и рассказал, что в 1951 году сам работал продавцом в хлебном магазине. На следствии отец и сын М. отрицали не только получение взятки от В., но и встречу с ним. В пенсионном деле отца М. не было сведения о работе в торговле, ничего не знал об этом и его сын. Если прямо спросить об этом старшего М., то он может дать неправильные показания и важная улика будет утрачена. По этим соображениям допрос отца М. был проведен под видом проверки правил ь-ности и полноты сведений, содержащихся в его пенсионном деле. В таком контексте свидетель, естественно, не скрывал своей трудовой деятельности и рассказал, что в 1951 году несколько месяцев работал в хлебном магазине.

После этого перед ним вновь был поставлен вопрос о встрече с В., но свидетель продолжал отрицать ее. Тогда следователь огласил ему выдержку из показаний В. и предложил объяснить осведомленность последнего о работе старшего М. в

торговле в 1951 году. Такая постановка вопроса оказалась для старшего М. совершенно неожиданной, и он рассказал о встрече с В. в квартире сына.⁸

Инерция

Этим приемом можно воспользоваться в ситуациях, когда допрашиваемый скрывает событие, интересующее следователя. Он основан на законе инерции, перенесенном из сферы физики в область психологии. Создавая условия для применения данного приема, следователь в ходе допроса ведет разговор с допрашиваемым на какую-либо отвлеченную тему. Обсуждение ее ведется в ровном, спокойном темпе, в доброжелательном тоне и столь долго, сколь следователь сочтет необходимым для достижения промежуточной цели — сосредоточить внимание, память, функции самоконтроля собеседника только на этой теме. Затем, выбрав соответствующий момент, следователь задает вопрос из области совершенно иной, нужной ему темы, но не меняя при этом ритма беседы, ее тона, никак не выделяя этого вопроса (ни голосом, ни особой редакцией, ни иными акцентами). Втянувшийся в бесконфликтную по теме и по характеру беседу, «убаюканный» ее спокойным и ровным течением, допрашиваемый может по инерции дать правдивый ответ на вопрос по запретной теме прежде, чем осознает, что этого не надо было делать. Невольно сообщив то, что предполагалось скрывать, и понимая, что это саморазоблачение, допрашиваемый может прекратить сопротивление и рассказать правду.

Вот пример удачного применения этого приема при допросе убийцы. 19 июля гр-н С. заявил в милицию о пропаже В. — дочери хозяина дома, в котором он жил. Через пять дней дети, гулявшие в лесу, обнаружили труп девушки. Состояние и поза трупа свидетельствовали о том, что В. была изнасилована. В затылочной части головы потерпевшей имелись две огнестрельные раны. Отец В., находясь на фронте, оставил ее на попечение С. и его жены, а дом сдал им в аренду. Подавая заявление, С. сообщил, что утром 18 июля — в день исчезновения девушки, он ушел на работу в пекарню, однако, по сведениям отдела кадров треста хлебонечения С. в пекарне не работал. Из дома В. исчезли три ковра, два плюшевых одеяла, мужской костюм, облигации на 18 тыс рублей.

| Примерно через год С. был изобличен в подделке удостоверения об увольнении с военной службы и других документов, за что был арестован. На чердаке дома, где он ждал, был обнаружен пистолет такого же калибра, как и тот, из которого была убита В. Охотно признаваясь в подделке документов, С. выражал готовность понести за это заслуженное наказание, ходатайствовал об ускорении расследования. О результатах проведенного в доме после его ареста обыска ему было неизвестно. Он также не знал, что следователь из Москвы, ведущий «его дело», одновременно расследовал и факт убийства В.

В ходе одного из допросов следователь выяснял различные обстоятельства из его жизни. С. явно рисовался, рассказывая о своей прошлой военной службе, говорил, что воевал и много раз участвовал в боях, что он хороший стрелок, стрелял почти без промаха, причем левой рукой, так как был левшой. Следователь решил воспользоваться этим важным сообщением С. и, как бы продолжая разговор и тему стрельбы, спросил: «Зачем нужно было дважды стрелять в В.?» «Я думал, что промахнулся», — быстро ответил С., но спохватился и стал отказываться от

сказанного, однако вскоре понял, что допустил серьезную ошибку, и дал развернуты»¹ показания об обстоятельствах и мотивах убийства.

Использование «слабых мест» личности

В ходе допроса следователь может с успехом использовать для получения правдивых показаний «слабые места» личности допрашиваемого. Естественно, сначала их надо обнаружить. К числу слабостей личности можно отнести недостатки интеллекта, трусливость, вспыльчивость, тщеславие, прямолинейность и т. п. Практически любая из названных и им подобных слабых сторон личности допрашиваемого может быть использована в тактических целях для нейтрализации его сопротивления установлению истины. Через «слабости» идет управление его поведением. Но при этом обязательно соблюдение следующего нравственного условия: тактическое использование «слабости» не должно основываться на ее поощрении и способствовать ее закреплению и развитию. Напротив, по завершении допроса нужно найти и высказать допрашиваемому позитивную, возвышающую его в собственных глазах оценку факта дачи им правдивых показаний.

Например, на трусливого свидетеля, дающего ложные показания, можно успешно воздействовать в тактических целях напоминанием об уголовной ответственности за лжесвидетельство и соответствующими комментариями к закону, предусматривающему такую ответственность. Когда же он, испугавшись правовых последствий, дает правдивые показания, этот факт следует оценить как мудрое с его стороны и основанное на правильном понимании своего гражданского долга поведение и поблагодарить за него.

Повторность допроса

Повторные допросы одних и тех же лиц, как уже отмечалось, одна из самых тяжелых бед современной следственной практики. Они свидетельствуют о плохой либо вообще не проводившейся подготовке к первоначальному допросу, о некачественном его проведении. Обычно повторные допросы проводятся для восполнения упущений и устранения недостатков первоначальных. Однако они могут выступать и в совершенно иной роли — тактического средства выявления фактов намеренного искажения допрашиваемым истины и одновременно конкретизации содержания и отдельных деталей ложной информации. Повторный допрос применяют после дачи лицом ложных показаний. При этом требуется соблюсти важное условие — обеспечить относительно длительный интервал (скажем, месяц или более, если позволяют сроки следствия) между проведенным допросом (с ложными показаниями) и планируемым повторным допросом.

Цель длительного перерыва между этими допросами состоит в том, чтобы использовать свойство человеческого мозга освобождать оперативную память от малозначительной информации, не допускать ее в так называемую долговременную память, дабы не перегружать последнюю балластной информацией. На повторном допросе лицу предлагается вновь подробно рассказать о событиях, ложно представленных ранее, причем этот допрос ведется точно по той же программе, той же совокупности вопросов, что и первый. В этом — тактическая идея повторного допроса.

Общую схему ложно описанного ранее события допрашиваемый может помнить и аналогично воспроизведет при повторе, а вот детали (цвет, размеры, последовательность, иные признаки и частные моменты), поскольку они реально не существовали, а были им придуманы, легко и довольно быстро забываются. На повторном допросе солгавший ранее вынужден придумывать их заново, а посему они во многом не совпадут с прежними деталями. Тщательно сопоставляя детали, характеризующие основные стороны исследовавшегося на обоих допросах события, можно узнать — какие именно стороны этого события были искажены. Полученный материал можно использовать для расширения направлений расследования, поиска новых доказательств, а также как комплекс противоречий для логического воздействия на допрашиваемого.

Демонстрация возможностей расследования

Сущность данного тактического приема заключается в демонстрации допрашиваемому некоторых современных возможностей установления каких-либо скрываемых им обстоятельств независимо от его показаний. Названный тактический прием допроса встречается в двух вариантах. В одних случаях допрашиваемому демонстрируются возможности получения изобличающих его доказательств путем производства определенных действий (допросов, очных ставок, осмотров и т. п.). В других — ему показываются возможности применения современных научных методов исследования доказательств при проведении различных видов экспертиз.

Так, нередко встречаются ситуации, когда доказано несколько эпизодов преступной деятельности обвиняемого и есть основания полагать, что тот совершил и ряд других, пока еще не выявленных преступлений. Тогда может оказаться полезным сообщение обвиняемому о том, как следователь будет действовать дальше по выявлению и доказыванию других эпизодов его преступной деятельности. При этом полезно дополнить данный прием методом убеждения допрашиваемого в том, что лучше оказывать содействие следствию, так как все равно все эпизоды будут выявлены, а также разъяснить допрашиваемому значение чистосердечного раскаяния и активного содействия раскрытию преступления как смягчающего ответственность обстоятельства.

Приведем пример. На момент допроса подозреваемого К. следователь располагал только двумя доказанными фактами получения им взяток за незаконную прописку граждан. Изъяв из паспортного отделения документы о прописке З. и Ш., следователь путем допроса свидетелей и осмотра документов установил, что от имени жильцов квартиры, на площадь которых прописывались взяточдатели, К. учинил подложные подписи в форме № 15 об их согласии на прописку этих лиц. При допросе следователь ознакомил К. с доказательствами по двум указанным фактам и разъяснил, что он намерен изъять все документы о прописке граждан, разрешение на которую давал К., и допросить по ним квартиросъемщиков о том, знают ли они граждан, прописанных на их жилплощади, и давали ли согласие на их прописку. После демонстрации этих возможностей следствия К. не только признал получение взяток от З. и Ш., но и назвал еще восемь граждан, с которых получил

взятки за незаконную прописку.⁹

Создание у допрашиваемого преувеличенного представления об осведомленности следователя

Этот прием предполагает сообщение допрашиваемому подробных сведений о каких-нибудь частных обстоятельствах событий, связанных с исследуемым, при одновременном умолчании о главном событии или отдельных его сторонах. Тактическая идея этого приема такова: подробную информацию следователя о частностях, связанных с главным событием, и умолчание о его важных сторонах допрашиваемый может принять за свидетельство всестороннего знания следователем не только этих, но и главного события, и, признав тактическую борьбу со следователем при этих условиях бесполезной, перейти к даче правдивых показаний.

Описанный прием характеризуется словесным механизмом, но нередко в тех же целях можно успешно использовать письменные документы и предметы. Они выступают имитационными средствами, которые в ситуациях скрываемой допрашиваемым осведомленности или его причастности к преступлению могут побудить его к даче правдивых показаний. Прием этот сложен и в ряде случаев имеет характер тактической комбинации (сочетания приемов). Приведем примеры использования данного приема в разных вариантах.

Расследуя факты краж вещей из автомашин граждан на стоянках у гостиниц, следователь получил оперативные данные о причастности к ним И. Уликами, позволявшими задержать и допросить П. в качестве подозреваемого или произвести у него обыск, следователь не располагал. С помощью работников уголовного розыска он за короткое время изучил личность Н., его связи, привычки, увлечения, интересы. Вызвав Н., следователь начал с ним беседу на отвлеченные темы. Н. не смог скрыть охватившего его беспокойства. Оно еще более усилилось, когда он убедился, что следователю досконально известны его связи, характер отношений с друзьями, увлечения, запросы и другие обстоятельства его жизни. Полагая, что интерес к нему следователя не случаен, Н. утвердился в мысли, что следователю известно и о его преступлениях. Не выдержав, Н. заявил, что хочет рассказать обо всех совершенных им преступлениях, поскольку «и так все известно».

Второй пример. Г. был задержан при продаже наручных часов, похищенных вместе с другими ценностями и деньгами из квартиры А. На допросе он показал, что кражу не совершал, а часы его попросил продать незнакомый мужчина, пообещав угостить за это водкой. Но ознакомившись с заключением эксперта о том, что следы пальцев рук, обнаруженные на дверце шкафа в квартире А., оставлены именно им, Г. признал факт совершения этой кражи, однако заявил, что все ценное и деньги, за исключением наручных часов, у него похитили, когда он в пьяном виде заснул на автовокзале. При обыске дома у Г. каких-либо улик не нашли. Из оперативных данных стало известно, что похищенные ценности и деньги он отнес на квартиру к своей сожительнице В. Оснований же для производства у нее обыска в деле не

было. Вряд ли что мог дать и ее допрос, поскольку она ранее была судима за кражу, характеризовалась отрицательно. К тому же на момент задержания Г. она находилась в длительной командировке, о чем он дна. i. В соответствии с разработанным планом В. была отозвана из командировки администрацией учреждения, где она работала. Как и ожидалось, на допросе она заявила, что i'. является ее сожителем, но совершал ли он какие-либо преступления — ей не известно. В тот момент, когда В. подписывала протокол допроса, работник уголовного розыска ввел Г. в кабинет следователя, и тот, увидев В., не мог скрыть своей растерянности. Следователь же со словами:

«Большое спасибо! Вы свободны!»-^ проводил ее до дверей кабинета (в коридоре ее встретил работник уголовного розыска и отвел в другой кабинет). Подписав в присутствии Г. протокол допроса В., следователь обратился к нему с вопросом: «Так как же быть с вод-вращением денег и ценностей потерпевшему?» Факт появления В., о которой он не давал никаких показаний, в кабинете следователя, выражение ей следователем благодарности и наличие на столе протокола ее допроса создали у Г. убеждение в том, что она во всем созналась. И он тут же рассказал, что передал В. похищенные ценности и деньги, указал место, где они были спрятаны. После этого дала правдивые показания и В.

Подчас в тех же целях (создать преувеличенное представление у допрашиваемого об уликах, имеющихся v следователя) можно использовать предмет — аналог вещественного доказательства. Сущность приема заключается в пассивном показе допрашиваемому предметов, по внешним признакам похожих на предметы, имеющие отношение к делу. При этом недопустимы ни ссылка на предъявляемый предмет как на вещественное доказательство (он таковым не является), ни наделение его чужими качествами и признаками.

В милицию сообщили о доставлении в больницу К. с проникающим ножевым ранением в область живота. Раненый показал, что его на улице ударил ножом О. за то, что он прекратил брачные отношения с его дочерью. К. подробно описал приметы ножа, ибо ранее видел его в доме О. — своего тестя. На допросе О. отрицал нанесение ножевого ранения К., при обыске в его доме ножа, соответствовавшего описанию К., не нашли, а родственники О. показали, что подобного ножа в доме не имелось. Тогда следователь подобрал кухонный нож, похожий на описанный К., и перед допросом О. положил на свой стол. Как только О. ввели в кабинет, следователь, после небольшой паузы, убрал нож, однако О. успел его заметить и сразу же изменился в лице. Следователь снова стал разъяснять О. значение чистосердечного раскаяния как обстоятельства, смягчающего ответственность. После некоторого колебания тот дал правдивые показания.

В этом случае следователь не обманывал О. и не прибегал к какой-либо

фальсификации доказательств. Он не только не ссылаясь на данный нож как на вещественное доказательство (это было бы обманом, нарушением ст. 20 УПК РСФСР), но и вообще о нем не упоминал. Если бы О. не был виновен в нанесении ножевого ранения К., то он просто не реагировал бы на не известный ему нож.

Другой пример. Преступление было совершено на территории ИТК, где подозреваемый и потерпевший отбывали наказание. К. нанес Е. несколько ножевых ранений, после чего сам доставил его в санчасть в бессознательном состоянии. При этом К., полагая, что от полученных ран Е. умрет и его выдать не сможет, заявил, что подобрал Е. раненым, свою причастность к преступлению категорически отрицал, держался уверенно и вызывающе. И все же потерпевший остался жив, но потерял способность говорить и писать. Об этом подозреваемый не знал. Необходимо было каким-то образом дать знать подозреваемому, что Е. жив. С этой целью потерпевшего сфотографировали вместе со следователем. Во время очередного допроса К. на столе следователя среди бумаг было разложено несколько таких фотографий. К. сразу же увидел снимки, узнал Е., которого считал умершим. Все его внимание в дальнейшем сосредоточилось на фотографиях. Следователь как ни в чем не бывало продолжал допрос. К. несколько раз просил следователя показать ему снимки, и тот, наконец, разрешил К. посмотреть их. Было заметно, что допрашиваемый потрясен, но следователь ничего не знал и не спрашивал об этих фотографиях и, закончив допрос, отпустил К. На следующем допросе К. дал правдивые показания, признавшись в покушении на убийство Е.

Прием создания преувеличенного представления о осведомленности следователя, кроме того, очень хорошо совмещать при допросе с результатами обыска.

При обыске в квартире П., проводившемся в его присутствии, было изъято незначительное количество ценностей, после чего на допросах он длительное время упорно утверждал, что у него ничего больше нет. Решив использовать рассматриваемый прием, следователь перед вызовом П. на очередной допрос разложил на столе золотые монеты, изделия и бриллианты, изъятые у других обвиняемых. Когда П. ввели в кабинет, он в течение нескольких секунд видел разложенные на столе ценности, которые следователь тут же стал поспешно убирать, бросив фразу: «Подождите минутку». Конвоир, извинившись, вывел П. в коридор, а когда по предложению следователя вновь ввел его в кабинет, никаких ценностей на столе уже не было. Допрос был кратким и касался малозначительных деталей преступной деятельности П. Он был в подавленном состоянии, хотя и старался сдерживать волнение. Возвратившись в камеру, он попросил бумагу и написал заявление, в котором указал места хранения всех ценностей, добытых преступным путем.

Увидев на столе следователя ценности, обвиняемый вообразил, что это «его» ценности. Если бы у него дома их не было, то данный тактический прием просто не дал бы результата, так как для обвиняемого все предъявленное явилось бы нейтральной, не касающейся его информацией и не могло повлечь самооговора. А поскольку следователь на допросе официально ему этих ценностей не предъявил (и не мог, ибо они не «эти»), то П. решил их выдать сам, рассчитывая на снисхождение.¹⁰

В завершение рассмотрим случай, когда тактический прием создания преувеличенной осведомленности следователя был осуществлен с помощью действий, представляющих нарушение закона и компрометирующих как следователя, так и результат его работы.

По подозрению в совершении ряда грабежей и других преступлений были задержаны два брата С. — Николай и Петр. Они отрицали свою причастность к каким-либо преступлениям, а доказательств их вины на момент допроса задержанных было недостаточно. С одним из них — Николаем С. состоялся разговор следующего содержания:

— Вы утверждаете, что ни Вы, ни Ваш брат Петр никогда не совершали преступлений?

— Да, мы жили честно и никогда преступлений не совершали.

— Ваши показания правдивы?

— Безусловно, правдивы!

В таком случае Вы могли бы сказать Петру следующую фразу: «Петя, я рассказал всю правду, говори и ты».

После некоторых раздумий Николай согласился. Встречу братьев соответствующим образом подготовили. Впоследствии Николай С. рассказывал, что он согласился на такой шаг, надеясь, во-первых, подать брату какой-либо тревожный знак, а во-вторых, будучи уверен, что Петр все равно не поверит его словам, так как они заранее договорились ни при каких условиях не признаваться. Благодаря принятым мерам осуществить свое первое намерение Николаю не удалось, и Петр, как только за братом закрылась дверь, начал давать правдивые показания, рассказав о своей преступной деятельности значительно больше того, что был известен следствию. Узнав об этом, дал затем правдивые показания и Николай.

Проанализируем приведенный случай. Николай С. лгал, отрицая совершение вместе с братом преступлений, но назвал эту ложь (не без помощи следователя!) правдой. Таким образом, черное было выдано за белое. Предлагая Николаю произнести перед братом фразу «Петя, я рассказал всю правду, говори и ты», следователь шел на обман Петра, вовлекая в это и Николая, который позднее и сам говорил, что понимал обманную суть предложения следователя, но надеялся обман нейтрализовать. Обман состоял в том, что в произносимой фразе подменялось содержание слова «правда», о чем знали Николай и следователь, но не мог знать Петр. Кроме того, роковое, дополнительное к «правде» значение имело слово «всю». Именно оно и побудило Петра признаться не в части, а во всех совершенных преступлениях. Важно отметить еще и то, что здесь обман был не простым, где одно лицо обманывает другое, а сложным — с использованием посредника, который, в конечном счете, и сам стал жертвой этого обмана.

В данном случае налицо грубейшее нарушение следователем требований ст. 20 УПК РСФСР, запрещающих применение в ходе следственных действий незаконных мер, к каковым, безусловно, относится и обман.

Подводя итоги рассмотрению тактических приемов при допросе, укажем, что успех применения того или иного из них трудно прогнозировать заранее, поскольку это зависит от многих факторов, в том числе и от особенностей личности допрашиваемого, его интеллектуального, эмоционального и культурного уровней, его жизненного опыта. Одному бывает достаточно только намекнуть на отдельные, известные следователю обстоятельства совершенного преступления, другой же будет упорствовать и при предъявлении ему всей совокупности имеющихся против него улик, третьему важно знать лишь то, как ведут себя соучастники, которых он не хотел бы выдать, четвертый готов рассказать правду, если будет уверен, что это смягчит его ответственность и т. д.

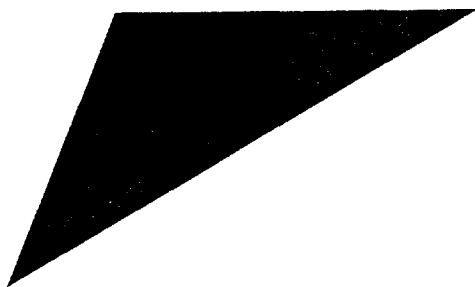
Поэтому следователь должен постоянно совершенствовать свой тактический потенциал, изучать разрабатываемые наукой и передовой следственной практикой тактические приемы допроса. Еще раз хочется напомнить, что допрос — это одна из вершин следственного мастерства, что по многим делам он становится настоящим сражением умов и воли его участников. Закон ориентирует следователя на победу в таких сражениях, но для этого ему необходимы помимо узкопрофессиональных знаний, развитый интеллект, знание психологии, выдержка, воля, наблюдательность, а также высокая нравственность и человеколюбие.

Примечания

1. См. *Артамонов И. И., Порубов Н. И.* Советская криминалистика: Альбом схем. Минск, 1977, с. 131.
2. *Доспулов Г. Г.* Психология допроса на предварительном следствии. М., 1976, с. 15-16.
3. См. об этом.: *Порубов Н. И.* Допрос в советском уголовном судопроизводстве. Минск, 1973, с. 87-97.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология. М., 1991, с. 326-329.
5. См.: *Доспулов Г. Г.* Указ. соч., с. 72-74.
6. См.: *Соловьев А. Б.* Использование доказательств при допросе. М., 1981, с. 5-6.
7. Следственная практика. Вып. 73, с. 65.
8. Следственная практика. Вып. 73, с. 89.
9. Следственная практика. Вып. 120, с. 88-89.
10. Следственная практика. Вып. 73, с. 89.

Глава 3

Тактические особенности допроса в суде



3.1. Особенности и виды судебного допроса

Известно, что основным процессуальным средством доказывания в судебном следствии является допрос. Именно в ходе допросов процессуальных лиц различных категорий получают наиболее важную в доказательственном плане информацию. От умелого проведения в суде допросов в наибольшей степени зависит вынесение законного и обоснованного решения. Поэтому вопросы тактики судебных допросов имеют приоритетное значение. Для уяснения особенностей тактики судебного допроса прежде всего необходимо определить, чем он отличается от допроса на предварительном следствии.

Отличительные особенности судебного допроса

Рассмотрим следующие основные отличительные признаки судебного допроса.

Публичность

В отличие от допроса на предварительном следствии судебный допрос имеет **публичный** характер. Тем самым судебный допрос лишается одного из важнейших условий успеха — интимности обстановки, способствующей установлению психологического контакта с допрашиваемым и создающей атмосферу для доверительной, «исповедальной» беседы.

Допрос в суде приобретает официальный, «казенный» характер. Присутствие посторонних сковывает допрашиваемого не только в свободе высказывания и образности речи, но и в оценках описываемых им фактов, в суждениях о них. В допросе принимают участие уже несколько человек, причем эти лица в соответствии с разным процессуальным положением решают различные задачи и именно с их учетом задают вопросы. Все это смущает допрашиваемого, мешает сосредоточиться на главном, приводит к растерянности, неточностям в ответах, колебаниям в деталях, а с ними и в оценке некоторых важных обстоятельств, входящих в предмет допроса. Недобросовестная сторона в судебном процессе получает возможность намеренно нагнетать стрессовую ситуацию в ходе допроса, чтобы воспользоваться ею в своих интересах.

Кратковременность

Допрос в суде **кратковременен**. Если на предварительном следствии допрос может длиться несколько часов, а при необходимости — с соответствующими перерывами — и несколько суток, то на суде по одно-, двухэпизодному делу он продолжается, за редким исключением, не более получаса. Следовательно, допрашивающий должен быть хорошо готов к допросу, чтобы вести его рационально, «экономично», а это возможно лишь при наличии четкой *программы* допроса. Без чего допрос непременно будет связан с упущениями, не сможет всесторонне

охватить все необходимые моменты, в следствие чего может не достичь своих целей, особенно при хорошей «контригре» оппозиционной стороны.

Очевидный дефицит времени при судебном допросе (количественная категория) может быть компенсирован только высоким качеством допроса, а это прежде всего программа, обеспечивающая его всесторонность и полноту.

Отдаленность во времени

Допрос в суде, в сравнении с допросом на предварительном следствии, существенно **отдален во времени от события преступления**. Это приводит к тому, что допрашиваемый забывает детали, частные обстоятельства преступления, о которых он говорил в прежних показаниях. Сведения о фактах теряют былую четкость, появляются «провалы», особенно в показаниях о последовательности событий. Не исключается восполнение забытых моментов домыслами, что порождает противоречия, ослабляющие ценность прежних показаний, чем, конечно же, не преминет воспользоваться защита. Только детальное знание дела и тактически умелое проведение прокурором судебного допроса может компенсировать издержки, связанные с разрывом во времени между криминальным событием и судебным допросом о нем.

Внезапность

При допросе в суде значительно **сужается круг тактических приемов**, обычно применяемых на предварительном следствии. Так, в суде утрачивается возможность тактического использования *внезапности допроса*. Вызванное в суд лицо знает, о чем его будут допрашивать, поскольку предмет допроса остается тем же, что и на предварительном следствии. Существенно ограничивается применение и такого смежного с названным тактического приема, как *внезапность вопроса*. Многие другие тактические приемы, требующие довольно длительной подготовки к их применению, также не могут быть использованы в силу упоминавшейся уже кратковременности судебного допроса. Неприменим при допросе в суде и ряд таких тактических приемов, которым должна соответствовать доверительная обстановка.

С другой стороны, все перечисленные особенности процедуры допросов в суде определяются ее жесткой, установленной законом регламентацией. Следовательно, обстановка на процессе для государственного обвинителя является постоянно повторяющейся, т. е. типичной, а это означает, что он может и должен обладать тактическими приемами допроса, согласующимися с особенностями допроса в суде.

Допрашиваемый незнаком

Нельзя также не учитывать, что в суде прокурор **впервые видит допрашиваемого** и, естественно, очень мало знает о его личностных качествах и особенностях (если не считать весьма скудной информации, которую — и то далеко не всегда — можно получить из материалов уголовного дела). Поэтому в суде, вынужденный сразу же, «без разведки», переходить к предмету допроса, прокурор лишается возможности использовать в тактических целях личностные особенности допрашиваемого.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что допрос в суде значительно сложнее, чем на предварительном следствии. Однако, к счастью, это не так. В соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей

любая, кажущаяся отрицательной, сторона какой-либо процедуры (в сравнении с другой подобной процедурой) одновременно содержит в себе и позитивные свойства, которые компенсируют негатив и обеспечивают жизнеспособность данной (любой) процедуры. Поэтому правильным будет утверждение, что допросу в сравниваемых процедурах (предварительное и судебное следствие) присущи сугубо свои сложности, но одновременно и преимущества. Различия в допросе обусловлены тем, что он проводится в разных стадиях познания криминального события и в существенно различающихся условиях, которые неизбежно по-своему влияют на спектр задач допроса и тактических средств их разрешения.

Проверочно— удостоверительный характер

Допросу на предварительном следствии присущ **поисковый** характер. Судебный же допрос является не столько поисковым, сколько **проверочно-удостоверительным**. С поисковыми же проблемами суд сталкивается не часто — лишь в ситуации отказа допрашиваемого от прежних показаний и выдвижения новых объяснений, требующих подтверждающей или опровергающей их информации. При этом если поиск последней будет представляться суду сложным и длительным, то он и не станет им заниматься, а вернет дело на дополнительное расследование.

Соответственно меняются и спектр, и результативность тактических приемов, используемых в обеих процедурах. Например, тактическое значение предупреждения недобросовестного свидетеля (потерпевшего) об уголовной ответственности за дачу ложных показаний резко возрастает (становится более эффективным) при допросе в суде, ибо этот допрос — последний для допрашиваемого. Лжесвидетель понимает, что пришел тот «час», когда рискованную игру надо прекращать, когда прежнее предупреждение об уголовной ответственности может превратиться в реальную процедуру расследования и кардинально изменить его судьбу. Эмоциональное напряжение недобросовестного свидетеля именно при судебном допросе достигает своего максимума. Умелое использование данного обстоятельства может привести допрашиваемого к отказу от лжи и к согласию дать правдивые показания.

Виды судебного допроса

Классификации судебного допроса, равно как и допроса на досудебных стадиях производства, могут производиться по разным основаниям (признакам), и в связи с этим их диапазон довольно широк. Так, по признаку процессуального положения допрашиваемого в суде различаются допросы подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта. В первой главе уже рассматривались такие разновидности допроса, как «основной» и «дополнительный» (критерий подразделения — объем информации), а также «первоначальный» и «повторный» (критерий их разграничения — временная последовательность, очередность). Что же касается специфических судебных видов допроса, то к ним относятся так называемый *«перекрестный»* и *«шахматный»*.¹

Перекрестный допрос

Перекрестным допросом принято считать такой допрос, при котором участники судебного разбирательства могут поочередно ставить одному и тому же допрашиваемому вопросы по любым фрагментам его показаний с целью их уточнения,

дополнения и проверки. Этот допрос (постановка вопросов) начинается обычно после того, как допрашиваемый изложит в свободном рассказе все известное ему по делу. Затем участники процесса задают (Ю-просы, с помощью которых пытаются уяснить для себя те или иные положения этого рассказа, устранить сомнения, получить дополнительную информацию, разрешить противоречия между показаниями в суде и на предварительном следствии).

Подсудимому, который на предварительном следствии отказался давать показания в качестве подозреваемого и обвиняемого, предлагается рассказать все, что он считает нужным в связи с предъявленным обвинением. Если от такого рассказа он не откажется, то по завершении последнего участники процесса переходят к очередной постановке перед ним конкретных вопросов.

Очередность постановки вопросов разными участниками при перекрестном допросе определяется общим порядком допроса, принятым в уголовно-процессуальном законодательстве. Чаще всего в начале вопросы ставит председательствующий, а затем обвинитель и другие участники судебного следствия.

Перекрестный допрос особенно ценен в ситуациях, когда на суде лицо неожиданно и кардинально изменяет свои прежние показания. В этой, безусловно, стрессовой ситуации одному государственному обвинителю очень сложно всесторонне проверить новую версию допрашиваемого. Очевидно, что несколько участников способны в большей мере, нежели один, гарантировать всесторонность допроса, поскольку коллективным усилием, суммирующим различные, часто противоположные интересы сторон, нейтрализуется возможная односторонность, а тем более — предвзятость единолично проводимого допроса.

Важно и другое преимущество перекрестного допроса перед обычным — он весьма экономичен и рационален с точки зрения затраты сил и расхода времени. Один перекрестный допрос заменяет несколько отдельных допросов конкретного лица, которые надлежало бы провести каждому из участников, если бы данной формы допроса не существовало. Указанными преимуществами и обусловлено то, что перекрестный допрос является одной из основных форм судебного допроса.

Шахматный допрос

Шахматным принято считать такой допрос, при котором допрашивающий попутно ставит вопросы другим лицам по одним и тем же фактам и обстоятельствам, исследуемым в данный момент в основном допросе. Цель такого допроса — немедленно получить подтверждение или опровержение показаний допрашиваемого по какому-либо факту показаниями других лиц, участвующих в судебном процессе. При проведении шахматного допроса должны соблюдаться следующие условия. Во-первых, он возможен только в отношении лиц, уже допрошенных в суде и находящихся в зале судебных заседаний. Во-вторых, вопросы, задаваемые другим лицам, должны преследовать конкретную цель — подтверждение или опровержение показаний допрашиваемого и не уводить в сторону от линии основного допроса.²

Шахматный допрос не только внешне, но и по содержанию очень похож на очную ставку, хотя, конечно, между ними имеется и очевидная разница. Если очная ставка проводится только между лицами, в показаниях которых имеются существенные противоречия (ст. 162 УПК РСФСР),³ то при шахматном допросе вопросы ставятся лицам, в показаниях которых может и не быть противоречий/И еще. Очная ставка

проводится только между двумя ранее допрошенными лицами, тогда как при шахматном допросе — между несколькими. Этот допрос как бы заменяет очную ставку, причем не одну, а несколько, и проходит в форме, когда одна сторона (допрашиваемый в данный момент) присутствует постоянно (до окончания допроса), а другую представляют последовательно сменяющие друг друга иные лица из числа ранее допрошенных в суде.

В судебном заседании проведение очных ставок в принципе бессмысленно, ибо они, как правило, уже проводились на предварительном следствии. Если же ранее по каким-то причинам очная ставка проведена не была, ее цель — устранение противоречий в показаниях конкретных лиц — может быть достигнута в суде с помощью более рационального и экономичного, чем очная ставка, шахматного допроса.

Итак, *принципиальная разница между перекрестным и шахматным допросом* состоит в том, что в первом случае субъект попадает под «перекрестный огонь» вопросов со стороны нескольких участников судебной процедуры, а в другом, напротив, один из этих участников, подобно шахматисту за шахматной доской, «управляет» в соответствии со своими планами многими «фигурами» — лицами, которым задает вопросы в целях проверки тех или иных утверждений допрашиваемого.

Следует заметить, что одно и то же лицо может быть подвергнуто в суде как перекрестному, так и шахматно-му допросу.

Кроме того, это же лицо может несколько раз по ходу одного допроса столкнуться с его шахматной разновидностью: сначала это может сделать прокурор, а затем один или даже несколько защитников (при нескольких подсудимых).

Из сказанного нетрудно сделать вывод о том, что государственный обвинитель, безусловно, должен в со-| вершенстве владеть обеими формами судебного допроса

3.2. **Тактическое значение подготовки к судебному допросу**

Допрос в суде — это почти единственное средство исследования преступления. Даже результаты проведенных на предварительном следствии экспертиз в судебном заседании проверяются путем допроса экспертов. Поэтому подготовка к допросам, особенно к допросам подсудимых, отрицающих обвинение и защищающихся от него с помощью ложных показаний, естественно, занимает центральное место в рамках общей подготовки прокурора к поддержанию государственного обвинения.

Изучение материалов дела

Первым этапом рассматриваемой подготовки выступает **изучение материалов дела**. Между тем, как показывает практика, это изучение часто сводится лишь к ознакомлению с обвинительным заключением и, реже (если оно, по мнению прокурора, недостаточно убедительно) — к выборочному прочтению отдельных документов, содержащихся в деле. Это, безусловно, недопустимо.

Изучение дела — это не столько прочтение его материалов, которое может дать не более чем «сюжетное» представление о криминале и самое общее впечатление о степени его доказанности, сколько анализ прочитанного с целью уяснения для себя того, всесторонне ли расследовано инкриминированное виновным преступление,

полна ли информация о каждой из существенных сторон данного деяния, объективно ли рассмотрены обстоятельства, связанные с криминалом и его расследованием. Только глубокой аналитической проработкой материалов можно оценить качество отдельных доказательств и всей в целом доказательственной базы по делу, найти при обнаружении ошибок и упущений информационные резервы для их компенсации и наметить план их тактически грамотного использования в суде.

Если при изучении материалов дела выясняется, что в процессе судебного допроса потребуются познания в отдельных областях науки, техники, финансовой деятельности, искусства, в каком-либо ремесле, то государственному обвинителю необходимо изучить соответствующую литературу, документы, усвоить специальную терминологию и т. д.

Программа подготовки к судебному допросу

Поскольку обстоятельства, подлежащие доказыванию *по* любому уголовному делу (ст. 68 УПК РСФСР), и формы поведения в суде заинтересованных лиц являются типовыми, то, стало быть, аналогичным (типовым) должно быть и содержание подготовки к судебным допросам. В сущности, данная подготовка предполагает использование определенной *программы*, которую составляет комплекс типовых задач, требующих решения.

Какие же задачи необходимо решить на этапе подготовки к судебным допросам? К числу важнейших относятся следующие:

1. Тщательно изучить все без исключения материалы дела.
2. Сформировать на основе их изучения представление об особенностях личности тех, кто был допрошен на предварительном следствии и чьи показания в суде будут иметь принципиальное значение, о характере взаимоотношений этих лиц с другими участниками процесса, их интересов и вероятной позиции, которую они могут занять в суде.
3. Определить предмет допроса каждого из указанных лиц, т. е. круг обстоятельств, о которых их следует допросить.
4. Подготовить (письменно) перечень конкретных вопросов по выяснению каждого из этих обстоятельств, продумать и записать их самую рациональную и простую для понимания редакцию.
5. Наметить тактически наилучшую последовательность постановки подготовленных вопросов, выделить из них «ударные», проверочные.
6. Решить — какие из имеющихся в деле доказательств, включая и вещественные, нужно использовать при сложном допросе, в какой момент, в каком порядке, после чего сделать необходимые выписки из соответствующих протоколов для их воспроизведения на суде (с указанием листов дела).
7. Решить — какие фоно-, кино- или видеоматериалы (при их наличии в деле) потребуется продемонстрировать в суде, в какой момент это лучше всего сделать, позаботиться (через суд) о техническом обеспечении данной операции, продумать комментарии и оценки к использованным материалам.
8. По выполнении вышеприведенных пунктов программы (ориентированных на подготовку к допросу отдельных лиц) определить тактически наилучшую последовательность допроса основных фигур по делу и в соответствии с этим

подготовить предложения суду о порядке исследования доказательств. Исключительное тактическое значение данной программы очевидно. Упущение любого из ее вопросов уже чревато снижением результативности судебных допросов, а нескольких — может привести к его провалу. И напротив, добросовестная и квалифицированная (в соответствии с установленными задачами) программа может обеспечить успех в поддержании государственного обвинения.

Определение круга лиц, подлежащих допросу

Теперь, после ознакомления с программой подготовки к судебным допросам в целом, можно более подробно рассмотреть тактические аспекты отдельных подготовительных действий.

Определяя, *кого нужно допросить* в суде, государственный обвинитель не должен считать себя связанным приложенным к обвинительному заключению списком лиц, подлежащих вызову в судебное заседание. В нем могут, с одной стороны, быть указаны граждане, чьи показания не существенны для установления истины по делу, а с другой стороны — не значиться те, кто был допрошен на предварительном следствии и чьи показания очень важны в суде. В последнем случае прокурор должен подготовить ходатайство к суду о вызове и допросе этих свидетелей, а также и тех, кто не был допрошен на предварительном следствии, если из других источников известно, что такие лица могут дать ценные показания.

Кроме того, оценка при изучении дела *степени значимости показаний* каждого из допрошенных позволяет прокурору правильно сориентироваться при неявке вызванного в суд лица и дать обоснованное заключение о возможности или невозможности разоирательства дела в его отсутствии.

Тактические требования к формулировке и последовательности вопросов

Большое тактическое значение имеет способность прокурора точно и лаконично **формулировать вопросы**, намечать такую их систему, которая обеспечивала бы всесторонность исследования предмета допроса.

Криминалистической наукой и следственной практикой выработаны следующие *тактические требования, предъявляемые к формулировке вопросов*:

1. Вопросы должны быть краткими, понятными и не допускающими двусмысленного толкования.
2. Задавать их следует в прямой (не косвенной) форме.
3. Формулировкой вопросов нужно побуждать к развернутому, а не к односложному ответу типа «да—нет», «может быть», «наверное», «конечно» и т. п.
4. Вопрос не должен быть наводящим, содержащим информацию, необходимую для ответа.
5. Вопрос не может быть незтичным.
6. Следует избегать вопросов, ориентирующих на предположительные ответы.
7. При формулировке вопроса должен учитываться уровень умственного и культурного развития допрашиваемого.⁵

Успех допроса во многом зависит от выбора наилучшей последовательности

вопросов. На этапе подготовки к судебному следствию, когда, собственно, и намечается тактическая линия ведения ответственных допросов, полезно руководствоваться следующими соображениями: сначала лучше всего ставить вопросы об обстоятельствах, благоприятно характеризующих допрашиваемого, затем — об обстоятельствах нейтрального характера. Таким способом с ним устанавливается психологический контакт, снижается психическое напряжение, неизбежное при вовлечении его в диалог по поводу интересующих суд событий. В последнюю очередь задаются «тяжелые» вопросы — те которые затрагивают интересы допрашиваемого.

Предъявление доказательств при судебном допросе

К числу эффективных тактических средств получение правдивых показаний относится *предъявление до-праши- ваемому конкретных доказательств* путем оглашения от- дельных фрагментов чьих-либо показаний, тех или иных выводов экспертов, ознакомления с конкретными доку-| ментами или выписками из них, результатами осмотра вещественных доказательств. При этом важно помнить) что предъявление доказательств как тактический прием предполагает одновременное использование в случаях» необходимости и других, дополнительных тактические приемы.

В частности, криминалистической теорией и след-¹ ственной практикой выработаны три разных способа предъявления доказательств. Выбор оптимального из них в конкретной ситуации определяется особенностями доказательственной базы по делу, характером сопротивления обвиняемых установлению истины, их личностными качествами, прежде всего психологическими, а также многими другими обстоятельствами, требующими учета.

Итак, доказательства могут предъявляться:

- 1) частично, и при этом — в порядке нарастания их изобличающей силы (от слабого к сильнейшему);
- 2) частично, и при этом —.начиная с самого веского, значимого, а затем — в любом порядке;
- 3) полностью — всей необходимой для изобличения их совокупностью (последовательность предъявления любая).

При допросе лиц, имеющих жесткую установку на дачу ложных показаний, лучше всего использовать первый вариант, поскольку и число предъявляемых доказательств, и их нарастающая весомость в изобличении убеждают допрашиваемого в бессмысленности дальнейшего запирательства. Предъявление в этой ситуации сначала наиболее веского доказательства — нерационально, ибо, если с его помощью поколебать ложную позицию допрашиваемого не удастся, другие, менее значимые аргументы уже вряд ли окажут на него нужное воздействие.

Предъявление первым наиболее веского доказательства оправдано в отношении лиц, не имеющих стойкой установки на ложь (минимальная мотивация дачи ложных показаний), проявляющих колебания в поведении при допросе и способных объективно оценить силу намеченного к предъявлению доказательства. Здесь успех допроса обеспечивается одним тактическим ударом, в крайнем случае — двумя. Предъявлять другие доказательства не потребуется.

Третий способ рекомендуется для ситуаций, когда совокупность имеющихся доказательств, с одной стороны, бесспорно, устанавливает факты, отрицаемые допрашиваемым, а с другой — убедительно опровергает все его оправдательные доводы.

Знание тактических приемов использования доказательств при допросе поможет прокурору еще на этапе подготовки к судебному заседанию тщательно оценить показания основных фигур, спрогнозировать их поведение на суде и подготовиться к тактической борьбе (подобрать нужные доказательства, определить наилучший способ и момент их предъявления).

Последовательность допросов как тактическая категория

Рассматривая тактическое значение последовательности допросов лиц, вызванных в суд, отметим, что на практике сложился определенный стереотип очередности их проведения.

Так, в суде принято в первую очередь (за редким исключением) допрашивать подсудимых, затем — потерпевших, в третью очередь — свидетелей.⁶ В целом это логично и наилучшим, с тактической точки зрения, образом обеспечивает решение всех задач судебного следствия. Вполне закономерно, когда вслед за оглашенным в суде обвинением подсудимый реализует путем дачи показаний свое право на защиту. После его показаний становится ясно, какие факты, связанные с обвинением, он оспаривает и, следовательно, на доказывании каких моментов нужно сосредоточить основные усилия.

Далее допрашиваются потерпевшие. Они, как правило, занимают более или менее четкую обвинительную позицию. Если подсудимые отрицают обвинение, то их изобличение первыми начинают потерпевшие, затем свидетели-очевидцы и т. д..

В рамках этого общего порядка, безусловно, остается место и для многих частных тактических маневров, предпринимаемых в интересах успешного поддержания государственного обвинения.

Так, например, по делам об изнасилованиях, где показаниям потерпевшей придается решающее значение, очередность ее допроса может варьироваться. Если она на предварительном следствии давала четкие обвинительные показания и нет оснований полагать, что в суде она их может изменить, то тактически лучше всего предложить начать судебное следствие с допроса потерпевшей. Это может побудить подсудимого признать факт изнасилования. Если же подобные сомнения есть, то судебное следствие лучше начать с допроса того из подсудимых, который на предварительном следствии полностью или хотя бы частично признал свою вину. Важно, чтобы в суде он подтвердил ранее сказанное и сделал это прежде, чем потерпевшая начнет говорить иное.

Интересно отметить, что, составляя список лиц, подлежащих вызову в суд, следователи обычно не учитывают тактического значения в этом списке, а поскольку последовательность допроса граждан в суде чаще всего механически воспроизводится по указанному списку (приложению к обвинительному заключению), то допущенные в нем тактические ошибки могут оказаться губительными, особенно по групповым делам.

Одна из таких ошибок состоит в том, что обвиняемые указываются в списке по

«старшинству» ролей в группе: сначала организаторы, затем основные исполнители и наконец прочие участники группы — «мелкая сошка».

Подобная очередность тактически допустима, если все обвиняемые на предварительном следствии признали свою вину и не препятствовали установлению истины по делу, т. е. при самых благоприятных для следствия условиях.

В тех же случаях, когда все или основные участники преступления на предварительном следствии не признали своей вины, их допрос в указанной последовательности дал бы им существенные тактические преимущества перед государственным обвинителем. Они с самого начала задали бы отрицательный тон всему судебному разбирательству и спровоцировали на отказ от прежних показаний тех, кто ранее свою вину по делу признавал. Под удар была бы поставлена судьба дела.

Рассмотрим ситуацию, когда, например, из четверых обвиняемых один полностью, а другой частично признали вину в групповом преступлении, тогда как двое оставшихся ее не признали. Тактически правильным было бы следующее распределение этих обвиняемых в «списке»: первым должен быть указан тот, кто полностью признал вину, вторым — частично признавший ее, третьим — менее умный или более слабохарактерный из двоих оставшихся. Самый умный и упорный из них должен допрашиваться последним.

Если (продолжая анализ примера) следователь дал иную расстановку обвиняемых в «списке», допустив тактический просчет, то государственный обвинитель должен попытаться исправить эту ошибку, предложив суду очередность допроса подсудимых в соответствии с вышеприведенной рекомендацией. Это позволит, с одной стороны, сразу же обозначить подтверждение обвинения и задать бесконфликтный тон начинающемуся разбирательству, а с другой стороны, оказать признанием в суде обвинения должное воздействие на соучастников, отрицающих обвинение, и побудить их признать свою вину.

Другая тактическая рекомендация: из нескольких обвиняемых, признавших свою вину на предварительном следствии, первым в суде надо допрашивать наиболее осведомленного, дающего всесторонние и детальные показания, чтобы скорее развернуть максимум информации о криминале, о виновных лицах, а затем только подкреплять изложенные факты показаниями из других источников. Кроме того, такому обвиняемому будет сложнее, чем остальным, изменить свои показания, ибо последние во множестве деталей совпадают с истинной картиной преступления.

Что касается свидетелей, то они в упомянутом списке обычно располагаются по хронологическому принципу (кто ранее допрошен, тот и впереди в списке). Такая последовательность их допроса лишена тактического смысла и допустима лишь в простых или минимально конфликтных ситуациях. При очевидных же сложностях в доказывании она становится неприемлемой.

Общая тактическая линия очередности допросов свидетелей в суде должна определяться объемом и характером информации, содержащейся в их показаниях. При прочих равных условиях предпочтительнее сначала допросить очевидцев преступления, и прежде всего — наиболее осведомленного и незаинтересованного в исходе дела, чтобы быстро и всесторонне осветить важнейшие обстоятельства, связанные с криминалом.

При более сложных и противоречивых ситуациях подлежат учету следующие тактически важные обстоятельства:

- характер взаимоотношений свидетеля с подсудимыми и потерпевшими;
- информационная ценность показаний конкретного свидетеля в сравнении с показаниями других (объем и характер информации);
- степень вероятности изменения им в суде своих прежних показаний, предполагаемый характер такого изменения и степень его опасности для поддержания обвинения;
- степень надежности и достаточности остальной обвинительной аргументации для опровержения возможного изменения кем-либо из ранее допрошенных лиц своих показаний.

Только проработкой всех этих моментов в комплексе можно сформировать и «заказать» тактически наилучшую для поддержания государственного обвинения очередность допроса лиц, вызываемых в суд.

Планирование допроса — важнейшее условие достижения его целей

Из всего сказанного выше становится ясным, что подготовка прокурора (государственного обвинителя) к судебному процессу не только очень ответственна, но и объективно сложна. Она, естественно, предполагает разработку письменного плана, основную часть которого должны составлять разделы, посвященные проведению судебных допросов. Трудно себе представить непланированные допросы подсудимых по многоэпизодному делу или допросы лиц, ранее дававших ложные показания.

А между тем обобщение судебной практики показывает, что и судьи, и государственные обвинители не уделяют надлежащего внимания подготовке к допросам, составлению письменных планов допросов. Бесплановость неизбежно приводит к тому, что судебные допросы проводятся пассивно, поверхностно, многие обстоятельства остаются невыясненными, в связи с чем судами принимаются неверные решения.⁷

Форма плана допроса конкретного лица может быть различной: в одних случаях — простой, в других — сложной. Все зависит от особенностей дела, ценности прежних показаний данного лица, наличия (или отсутствия) у него заинтересованности в определенном исходе дела и степени упорства в ее реализации.

По несложным допросам план может быть сведен к перечню вопросов, на которые надлежит получить ответ. Здесь главное — обеспечить всесторонность освещения допрашиваемым интересующего суд события. При заведомой сложности допроса конкретного лица усложняется и структура его плана.

Если лицо (подсудимый, потерпевший, свидетель) допрашивается по одному эпизоду, то объем плана будет небольшим. Форма плана может быть произвольной. Однако лучше всего, придерживаясь указанной ниже последовательности, предусмотреть в нем следующие пункты:

1. Краткое содержание показаний конкретного лица на предварительном следствии (л. д.).
2. Перечень обстоятельств, подлежащих выяснению по рассматриваемому эпизоду.

3. Перечень вопросов к допрашиваемому. Они должны располагаться в наилучшей тактической последовательности, их редакция должна быть четкой, тщательно продуманной.
4. Спектр тактических приемов, которые следует применить для наилучшего проведения допроса.
5. Доказательства, подлежащие предъявлению. Здесь же — использование необходимых фоно-, кино-, видеоматериалов.
6. Краткое содержание полученных ответов (хотя бы по основным вопросам).
7. Примечание (заполняется по ходу судебного допроса или сразу по его завершении). В нем делаются отметки о том, достигнуты ли цели допроса. Если нет или не все, то нужно указать — с помощью каких иных источников можно будет компенсировать информационные потери, понесенные на данном допросе. Соответствующие задачи должны быть сразу же включены в планы последующих допросов других лиц.

Такова примерная схема развернутого плана допроса по одному эпизоду.

Если предстоит допрос — скорее всего, подсудимого — по нескольким эпизодам, то объем плана, конечно же, увеличится. Однако структура остается без изменений: каждый отдельный эпизод, сколько бы их ни было, рекомендуется исследовать по предложенной схеме. К сказанному можно добавить, что если при изучении дела прокурор конспектирует показания обвиняемых, потерпевших, свидетелей-очевидцев и иных важных свидетелей, то в развернутых планах допроса каждого из них можно снять графу № 1, чтобы повторно не излагать содержание показаний данного лица. При допросе этих лиц в суде нужно будет воспользоваться не только планами их допроса, но и конспектами их прежних показаний.

3.3. Обилие положения тактики судебного допроса

Стадии судебного допроса и их тактическое значение

Большинство разработанных криминалистикой тактических приемов допроса на предварительном следствии применимы и к судебному допросу. И в той и в другой процедуре принято различать три стадии (фазы) допроса: предварительную, свободного рассказа и во-просно-ответную.

На предварительной стадии устанавливается личность каждого из допрашиваемых. У потерпевших и свидетелей выясняется характер их взаимоотношений с подсудимым, а у свидетелей, дополнительно, — еще и с потерпевшим. У подсудимого выясняется — понятно ли ему обвинение и признает ли он себя виновным. Ему предоставляется возможность мотивировать свой ответ (ч. 3 ст. 278 УПК РСФСР). Потерпевшим и свидетелям разъясняются их гражданский долг и обязанность правдиво рассказать все известное им по делу, они предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и задачу заведомо ложных показаний, о чем у них отбирается подписка (ст. 282, 283, 287 УПК РСФСР).

Каковы тактические задачи прокурора на предварительной стадии допроса?

Напомним, что с подлежащими допросу в суде лицами прокурор знаком только заочно — по материалам дела. Зная или допуская, что с кем-либо из них предстоит

сложная тактическая борьба, прокурор должен использовать предварительную стадию допроса для пополнения своих представлений о тех, кого ему предстоит допрашивать, очным изучением их личностных свойств. Метод получения нужной информации об этих лицах — сосредоточенное наблюдение. Поскольку эту стадию допроса всегда проводит председательствующий, прокурор, будучи свободным, как раз и должен сконцентрировать внимание на первоначальном поведении и ответах допрашиваемого.

Выполнив предусмотренные законом задачи предварительной стадии, судья (председательствующий) переходит ко *второй процедурной фазе допроса*, которая начинается с предложения допрашиваемому сообщить все известное ему по делу. Далее, если нет осложнений, допрашиваемый приступает к свободному рассказу об обстоятельствах исследуемого судом события. С какими же осложнениями в самом начале рассказа могут столкнуться допрашивающие (судья, а позднее прокурор)?

Известно, что важнейшей предпосылкой успешного допроса является установление психологического контакта с допрашиваемым. Видя перед собой большую аудиторию, допрашиваемый зачастую испытывает сильное волнение, психическое напряжение, которые могут выражаться как в повышенной раздражительности, излишней возбудимости, так и, напротив, в скованности, заторможенности. Все это, конечно, мешает установлению с ним психологического контакта и, как результат, проведению полноценного допроса.

В связи с этим приобретает большое значение умение допрашивающего быстро и незаметно нейтрализовать подобные психические состояния допрашиваемого. Этого можно достичь ровным, спокойным, доброжелательным тоном начинаемого с ним диалога, вежливым, уважительным обращением к допрашиваемому. Совершенно не допустимо употребление при допросе таких вульгарных слов как «врешь», «чушь», «не пори ерунды», таких резких, безусловно раздражающих терминов, как «виновный», «преступник» и т. п.

Неэтичным и посему неприемлемым является обращение к допрашиваемому на «ты», даже тогда, когда он несовершеннолетний. Всегда лучше называть его по имени и отчеству, чем употреблять такие «холодные», отчужденные понятия, как «свидетель», «потерпевший», «подсудимый», которые вряд ли будут сглаживать напряженность обстановки допроса.

Установленный психологический контакт необходимо поддерживать на протяжении всего судебного заседания.

Между тем практика показывает, что, установив психологический контакт, допрашивающие забывают, что это «хрупкая материя», и не берегут его, увлекаясь борьбой за информацию, в которой подчас сами начинают допускать и раздражительность, и грубость. В результате контакт теряется и допрос может не достичь своих целей.

Одной из причин подобного срыва является вырабатывающаяся с годами у некоторых судей и прокурорско-следственных работников привычка читать мораль взрослым людям, учить их жить, давать им, да к тому же публично, далеко не те советы и оценки, которые они хотели бы слышать. Это, естественно, вызывает — в качестве защитной реакции — возражения, конфронтацию. Данная привычка есть одно из проявлений профессиональной деформации. Высокий общественный статус

судебных и прокурорско-следственных должностей, широкий круг властных полномочий, возможность управлять социальным поведением и деятельностью людей с позиции закона — все это объективно способствует формированию чувства превосходства у отдельных лиц, занимающих эти должности, которое они и проявляют в неуместной, а подчас и грубой назидательности.

Но вот необходимый контакт установлен и допрос переходит во вторую фазу — *свободный рассказ* допрашиваемого. Обычно это описание события преступления и связанных с ним событий, излагаемое в хронологическом порядке — от начала его совершения или наблюдения и до конца. Это самый естественный и посему самый типичный и для изложения, и для восприятия способ передачи информации, причем не только по одноэпизодным, но и по многоэпизодным делам. В последних хронологическое описание каждого отдельного эпизода дополняется соответствующим подходом к рассмотрению всей системы преступных эпизодов, составляющих в совокупности более сложное и опасное явление — преступную деятельность.

По ходу свободного рассказа государственный обвинитель продолжает изучение говорящего, наблюдая за его состоянием, степенью владения собой, уровнем скованности или взволнованности, за речью (ее лексикой, точностью, образностью, уверенностью изложения, паузами). Важно проследить и за тем, как по ходу рассказа допрашиваемого раскрывается его отношение к участникам конфликта, действия какой из сторон он (сам того не замечая) описывает мягко, сострадательно, оправдываяще, а какой, наоборот, — жестко, осуждающе. Иными словами, прокурор определяет — «на чьей он стороне».

Помимо этого, прокурор, конечно же, следит за сюжетом рассказа, мысленно сопоставляет показания с прежними, данными этим лицом на предварительном следствии. Если он замечает уменьшение объема или снижение уровня содержательности прежней информации, то делает необходимые замечки, формулирует на черновике вопросы, которые нужно будет задать в целях восполнения упущенного.

По завершении свободного рассказа допрос переходит в третью — *вопросно-ответную* — стадию. Сначала свой круг вопросов к допрашиваемому исчерпывает состав суда, после чего право продолжения допроса председательствующий передает государственному обвинителю. Получая «эстафету» в допросе от судьи, прокурор уже знает, установил ли тот психологический контакт с допрашиваемым, умело ли провел допрос: все ли необходимые вопросы задал, все ли нужное выяснил, не допустил ли тактических ошибок, предопределивших скромные результаты допроса или его неудачу в целом.

Вполне возможно, что прокурору придется сглаживать допущенные ошибки. Делать это надо так, чтобы не подорвать авторитета судей в глазах участников судебного процесса.

Столкнувшись с фактом подавленности, скованности, растерянности допрашиваемого, прокурор (коль скоро этого не сделал суд) должен использовать тактические приемы, направленные на установление с ним нормального психологического контакта. К их числу относятся «снятие психического напряжения» допрашиваемого и плавное «втягивание» его в беседу (диалог). Обычно это

достигается путем постановки перед ним простейших вопросов, например: как Ваше здоровье? как Вы себя в данный момент чувствуете? понятны ли Вам задаваемые вопросы? и т. п. Иногда полезно вернуться к анкетным данным, попросить подробнее осветить семейное положение, этапы служебного продвижения и т. д. Отвечая на эти элементарные вопросы, допрашиваемый втягивается в разговор, преодолевает волнение, страх перед судом и успокаивается. После этого перейти к предмету допроса не составит труда, особенно если начальная фаза разговора будет идти мягко, уважительно, в спокойном, доброжелательном тоне.

Вопрос-ответная стадия судебного допроса справедливо признается самой сложной ввиду ее насыщенности бескомпромиссной борьбой сторон. В ней используется весь арсенал тактических приемов, разработанных в психологии и криминалистике, а также приобретенных в ходе практической деятельности. С учетом сказанного, детальному рассмотрению тактических проблем, возникающих в вопросно-ответной фазе допроса, будут посвящены следующие параграфы данной работы.

Тактическое значение типовых признаков социально - демографической характеристики допрашиваемого

При исследовании общих положений тактики судебного допроса нужно остановиться и на таких факторах, имеющих существенное тактическое значение, как пол допрашиваемого, возраст, уровень образования, профессия (работа), состояние здоровья (вообще и, главное, на момент допроса), наличие или отсутствие судимостей, семейное положение, процессуальное положение (подсудимый, потерпевший, свидетель).

В отдельных случаях могут приобретать тактическое значение данные и о каких-либо иных сторонах личности допрашиваемого, но это будут особые случаи, исключения. Мы же говорим о типовых факторах, которые следует, хотя бы вкратце, рассмотреть.

Исследование различий пола допрашиваемых в плане тактических изысканий непременно приводит к сравнительному анализу так называемых «женской» и «мужской» психологии. С научных позиций последних лет эти различия сводятся к тому, что женскую психологию относят к категории интравертивных (обращенных «вовнутрь»), а мужскую — экстравертивных (обращенных «вовне»).

При этом в последней выделяют как доминирующее свойство логическое, рациональное начало, а в женской, напротив — эмоциональное. Сразу отметим, что ни одно из них нельзя назвать лучшим или худшим. В системе «человек» оба эти начала представляют «диалектическое» единство и борьбу противоположностей, обеспечивающих развитие человека и как природного организма, и как личности.

Преступление и процедура его расследования, включая и судебное следствие, гораздо сильнее влияет на эмоциональную сферу женщины, чем мужчины. Зная об этом и столкнувшись с необходимостью преодолеть сопротивление допрашиваемой установлению истины по делу, прокурор должен использовать в качестве тактического средства воздействие на ее эмоциональную сферу таких нравственных категорий, как честь, совесть, любовь, долг, ответственность, грех и т. п.

Объективно женщине сложнее, чем мужчине, устоять на ложной позиции,

всесторонне защитить ее, но вовсе не в силу каких-то «дефектов» женской психологии, а потому, что женщина в социальной жизни более нравственна, человеколюбива (она же — мать), более критична к опасному и недозволенному, не приемлет зла, насилия, неправды. Отсюда у нее значительно меньший, чем у мужчин, опыт неправомысленной, а тем более противозаконной деятельности, меньше изощренности в защите подобной деятельности и соответственно меньше спектр возможностей для этого. У нее, как правило, не бывает запасной ложной версии, которую бы она могла подкрепить системой логически увязанных с обстоятельствами криминала аргументов. Поэтому убедительное опровержение прокурором ее исходных ложных показаний, дополненное умелым эмоциональным воздействием на ее позитивные ценностные установки, чаще всего приводит к отказу от лжи и даже правдивых показаний.

Из сказанного следует, что (при прочих равных условиях) в ситуации, когда лжесвидетельствуют несколько человек, тактически правильным будет начать допрос этой группы лиц с женщин.

И еще один важный момент. Сложные динамические события, в том числе и криминальные, по-разному воспринимаются женщинами и мужчинами. Эти различия в восприятии носят типовой характер.

Женщина — очевидец драки — обычно весьма скупо описывает ее механизм, ибо, будучи по природе противницей насилия, боясь его, не зная его составляющих, не умея и не желая всматриваться в него, она воспринимает лишь некоторые его фазы (фрагментами, частями). Но зато она прекрасно запоминает приметы участников драки — особенности роста, внешности, одежды, речи (крики, угрозы дерущихся), т. е. может дать очень ценные сведения для установления участников конфликта.

Мужчина же, более искушенный в применении насилия (как в практическом опыте, так и через силовые виды спорта — бокс, многочисленные виды борьбы), если он очевидец, а тем более участник драки, основное внимание уделяет ее механизму, ходу, оценивая опасность насильственных действий противников для себя или своих знакомых и решая, как эти действия предотвратить. При этом мужчина лишь в самых общих чертах может сообщить о приметах незнакомых участников драки.

Таким образом, наиболее всесторонняя и полная картина преступного события может быть представлена как сумма специфических, но равнополезных его описаний очевидцами и участниками — мужчинами и женщинами.

Говоря о *возрасте допрашиваемых*, различия в котором имеют тактическое значение, требуется учитывать особенности ряда возрастных групп: 1) малолетних (по закону до 14 лет); 2) несовершеннолетних; 3) молодых людей (примерно до 30-35 лет); 4) людей зрелого возраста (35-60 лет); 5) пожилых людей (примерно от 60-75 лет) и 6) стариков (старше 75 лет). Небольшое смещение показателей между перечисленными группами не имеет принципиального значения для исследования тактических проблем допроса.

В самом общем плане тактическое значение возраста допрашиваемого определяется степенью социальной зрелости субъекта той или иной возрастной группы, его жизненным опытом (большим, достаточным или малым, а то и вообще отсутствующим — у малолетних), через призму которых они оценивают жизненные коллизии, включая и противоправные конфликты, и дают о них показания.

Что касается особенностей психологии несовершеннолетних, учитывающихся при судебном допросе последних, то в наибольшей мере они известны государственным обвинителям, специализирующимся на рассмотрении в суде дел о преступлениях субъектов этой возрастной группы. Однако столкнуться с необходимостью допросить в суде несовершеннолетнего или малолетнего может любой прокурор, судья.

Допросу малолетнего, в том числе и в суде, присуща масса особенностей. Одна из них состоит в том, что ребенку в возрасте 7-8 лет еще не «по силам» (знаниям) всесторонне охватить и связно описать увиденное. Поэтому в структуре его допроса нет фазы свободного рассказа (в допросах 8-10-летних она лишь едва намечается), он проводится в вопросно-ответной форме. Отсюда ясно, что всесторонность и полнота допроса малолетнего целиком определяется суммой заданных ему вопросов.

Всем известна и характерная для детей этого возраста фантазийность, эмоциональная гиперболизация увиденного. Не понимая или упрощенно понимая социальное значение увиденного, а также то, о чем необходимо говорить при публичном судебном допросе, ребенок может твердо, уверенно, а посему и убедительно отвечать на важнейшие для судьбы дела вопросы, но его ответы при всем этом будут неверными — либо сфантазированными, либо приспособленными, «вписывающимися» в тему того или иного вопроса в силу наводящего характера последнего. Заметим сразу же, что наводящие вопросы предельно опасны именно при допросе малолетних и лиц с отставанием в сфере психического развития, так как оказывают максимальное внушающее и управляющее воздействие.

И еще один существенный момент. Совершенно непривычный и удивительный для малолетнего антураж публичного судебного допроса подавляет его, мешает сосредоточиться и понять, чего от него хотят и что он должен говорить. Поэтому одной из самых сложных задач, возникающих перед прокурором в таких ситуациях, является снятие стресса у малолетнего допрашиваемого и установление с ним психологического контакта. Очевидно, что допрос малолетнего должен проводиться в очень упрощенной «игровой» форме, причем, по возможности, на его лексиконе. Только в этом случае можно будет считать, что вопрос правильно понят малолетним, а это — залог адекватного ответа. В ее решении прокурору может и в соответствии с законом должен помочь педагог (воспитатель) как специалист в области детской, в частности маловозрастной психологии.

Говоря о допросе малолетних, будь то на предварительном следствии или в суде, хотелось бы обратить внимание на одну очень важную проблему, крайне редко учитываемую на практике, — а так ли уж нужен и посему всегда ли необходим допрос малолетнего по конкретному делу? В этой связи один из авторов данного пособия хотел бы привести весьма неординарный пример из своей следственной практики.

Расследовалось уголовное дело о развратных действиях Ф. в отношении сорока двух малолетних. Началось все с развращения им семилетней падчерицы, ученицы первого класса, которая затем, по просьбе Ф., стала приводить домой на эти «сеансы» своих подружек-одноклассниц. Так продолжалось около двух лет, пока эта «деятельность» Ф. не была случайно обнаружена и пресечена, а сам он — немедленно арестован. Было установлено, что шесть девочек приходили на эти «сеансы» многократно, а остальные по одному-два раза, после чего прекратили посещать квартиру Ф. Обвиняемый свою вину признал, но численный и

персональный состав потерпевших обрисовывал очень скудно.

Возникла неожиданная коллизия: интересы всестороннего доказывания криминала Ф. пришли в острое противоречие с интересами нормального, нравственного воспитания большого числа малолетних девочек (целого второго класса). Нужно ли было допрашивать более тридцати из них о конкретных развратных действиях Ф., которые они видели один-два раза год-полтора тому назад? Оправданной ли оказалось бы актуализация в их сознании почти забытых (и слава богу!!!) деталей развратных действий Ф.? Не стали бы разве такие допросы — сначала на предварительном следствии, а затем и в суде — своего рода продолжением развращения малолетних, причем с дополнительным «эффектом» его закрепления. После обсуждения этой проблемы в прокуратуре и суде допросили в качестве потерпевших только шесть девочек, показаниями которых в совокупности исчерпывающе обрисовывались и характер развратных действий Ф., и, что не менее важно, весь круг других потерпевших. Остальные тридцать шесть девочек не допрашивались вообще, но были заочно признаны потерпевшими (их права на следствии и в суде защищали их мамы в ранге представителей потерпевших). По данному поводу было вынесено уникальное в следственной практике «Постановление о непроведении допросов ряда малолетних потерпевших», основаниями для которого послужили, с одной стороны, вполне достаточная доказанность криминала Ф. иными материалами дела, а с другой — крайняя нежелательность таких допросов по нравственно-педагогическим соображениям. В суд эти тридцать шесть девочек, естественно, тоже не вызывались. По согласованию с прокурором данное дело было направлено не в районный, а в областной суд с просьбой рассмотреть его «по первой инстанции» ввиду неординарности подлежащей исследованию ситуации и принятых по делу решений. Областной суд с этой просьбой согласился, рассмотрел дело, вынес обвинительный приговор с максимальным по закону наказанием. При этом в приговоре были специально и высоко оценены нестандартные инициативы предварительного следствия. Кроме того, через неделю Президиум областного суда разослал по всем горрайсудам области письмо с рекомендацией учитывать нравственно-педагогические аспекты судебных допросов малолетних и в сложных ситуациях прибегать к их допросам лишь в случаях крайней необходимости.

Несколько слов следует сказать о категориях *пожилых людей* и *стариков*. То обстоятельство, что в силу возраста и, как правило, связанного с ним не лучшего состояния здоровья они, обладающие огромным жизненным опытом, выходят из сферы активной социальной жизни или находятся на пороге этого, определенным образом сказывается на их психологии. Современные старики и многие пожилые люди прошли войну, трудные годы восстановления народного хозяйства и хорошо помнят, какого героизма, самоотдачи и личных жертв все это потребовало от них. Абсолютное большинство из них немногого добились в жизни, не разбогатело, да и не стремилось к этому.

Основной жизненной ценностью для многих из них стала категория личной чести. Именно она в их возрасте становится мерилом в оценке своего прошлого и настоящего. У верующих людей она дополняется стремлением не согрешить «пред Богом и людьми».

Зная об этой психологической доминанте, прокурор может использовать категории чести и греха как тактическое средство для эмоционального воздействия на лжесвидетельствующего допрашиваемого рассматриваемой возрастной группы. Умело сопоставляя высокую (по возможности) нравственную оценку прожитой допрашиваемым жизни с фактом намеренного искажения в суде истины, подрывающим и ставящим под сомнение эту оценку, прокурор может добиться успеха в получении правдивых показаний.

Высокий уровень образования и общей эрудиции допрашиваемого важно учитывать как фактор, могущий обусловить более серьезный, чем у других лиц, характер сопротивления установлению истины. Это может выразиться в большей продуманности ложной версии, лучшей ее аргументации, в более умелом противостоянии отдельным фактам, приводимым прокурором. Все это следует продумать заранее — еще на этапе подготовки к допросу высокообразованного и эрудированного *прот*ивника. Допрос надлежит провести так, чтобы не дать поводов для замечаний с его стороны и не понести урона в интеллектуальной борьбе с ним. Условия достижения этих целей (наряду с основными целями допроса) — *все*сторонняя подготовка к допросу, осторожное и самокритичное отношение к каждому своему вопросу, аргументу, реплике.

Вместе с тем не следует излишне драматизировать значение высокого уровня образования и интеллекта допрашиваемого в тактическом плане. Эти качества могут не только затруднять допрос, но и, напротив, облегчать его. Умному и образованному человеку легче увидеть, когда под нарастающим давлением обвинительных аргументов прокурора разрушается ложная конструкция оправдательной версии, и определить момент, когда продолжение защиты последней становится не только бессмысленным, но и вредным, поскольку не создает шансов на снисхождение при неизбежном, как он уже понимает, наказании. Подчас необразованный и недалекий субъект может оказать более упорное сопротивление, ибо не способен реально оценить проигрышность своей позиции, несостоятельность защитных аргументов.

Состояние здоровья — ценность не только объективная, но и субъективная. Что и следует учитывать при допросе каждого лица, причем в двух аспектах: в общем (здоровье в целом) и в частном (здоровье на момент допроса). При неудовлетворительном здоровье допрашиваемого разумно уделить больше внимания вопросу о его здоровье и сострадательно отнестись к его нездоровью. Очень важно учитывать это при допросах «основных фигур», показания которых особо значимы.

Спрашивать о самочувствии вызванных в суд лиц следует в начале их допроса, чтобы в зависимости от ответа сориентироваться — начинать и продолжать допрос либо пригласить врача для оказания вызванному в суд лицу медицинской помощи (например, для снятия головной боли). Если этого не сделать вовремя, то в критической фазе допроса субъект может отказаться отвечать на «тяжелые» вопросы прокурора, инсценируя невозможность продолжать давать показания ввиду названного недомогания и требуя врача. Пока врач удостоверяет факт этой «боли» и «снимает» ее, недобросовестный допрашиваемый использует данное время для подготовки ответов на вопросы прокурора и допрос его может не достичь целей.

Анализируя тактическое значение *судимостей* допрашиваемого, отметим несколько моментов. Прежде всего — самый общий: наличие одной или даже не-

скольких судимостей вовсе не обязательно, как нередко думают, повлечет сопротивление установлению истины со стороны допрашиваемого. Равно как, и наоборот, отсутствие судимости совсем не означает, что допрашиваемый не будет оспаривать обвинения. Тактическое значение фактора судимости — неоднозначно! Поведение людей в сложных жизненных ситуациях, а к их числу относится и защита своих интересов в судебном процессе, обычно обуславливается сочетанием нескольких факторов. Правда, и в этих ситуациях какой-то один может играть роль определяющего. В таких случаях многое как раз и зависит от профессионального «чутья» государственного обвинителя, его умения уловить — какое или какие обстоятельства влияют на конфликтное поведение допрашиваемого, а затем попытаться соответствующими приемами обесценить их воздействие и добиться целей допроса.

Говоря о ранее судимом допрашиваемом, авторы имеют в виду главным образом подсудимого, который отчаянно борется против очередной грозящей ему судимости, опираясь на опыт прежних следственных и судебных процедур и используя при этом возможность защищаться ложью и не отвечать за нее. Такой возможности нет у ранее судимых потерпевших и свидетелей. Отрицательный опыт их прежних судимостей, могущий, в принципе, побуждать этих людей к даче ложных показаний, существенно сдерживается либо нейтрализуется реальной угрозой быть привлеченными к уголовной ответственности за лжесвидетельство. Отсюда видно, что судимости (как фактор) могут оказывать гораздо большее влияние на характер поведения подсудимого, чем потерпевших или свидетелей.

При допросе подсудимого, имеющего несколько судимостей и упорно отрицающего обвинение, тактически важно использовать следующие моменты. Еще на этапе подготовки к его допросу нужно внимательно изучить находящиеся в уголовном деле копии приговоров по всем его прошлым преступлениям. По каждой такой копии следует оценить, с одной стороны, количество и качество доказательств виновности подсудимого, а с другой — какую позицию он занимал по отношению к обвинению, прибегал ли к ложным показаниям на предварительном следствии и в суде. Затем все это надо суммировать и сопоставить с доказательственной базой дела, намечаемого к рассмотрению по существу. И если обнаружатся нужные совпадения, их следует использовать в суде как дополнительные доказательства («улики поведения»). Например, у лица, привлекаемого за кражу, ранее было четыре судимости за различные преступления, в том числе две — за кражи. Стало быть, у него не только очень стойкий общий рецидив (четыре судимости), но и неоднократный специальный (две судимости за кражи). Это, разумеется, следует отметить в обвинительной речи. Но главное — в другом. Если во всех прежних судебных процессах была убедительная доказательственная база, но подсудимый, несмотря на это, все четыре раза отрицал вину, а по пятому, рассматриваемому делу картина такая же или близкая к ней, то становится очень выгодным показать совпадение (по весомости) доказательственных баз всех пяти дел и неадекватного поведения подсудимого во всех пяти процессах (всюду голословное отрицание хорошо доказанной вины). Таким образом, удастся продемонстрировать, что и по рассматриваемому делу подсудимый ведет борьбу с обвинением не в силу своей невиновности, а по выработавшейся традиции — отрицать «все и вся», разыгрывая роль «невинно страдающего» от

правосудия человека.

Рассматривая *семейное положение* лица как фактор, могущий приобретать тактическое значение, следует учитывать два типа семьи, которые может одновременно иметь человек. Это так называемые «старая семья» (он, его родители, родные братья и сестры) и «новая», если она создана (он, жена и их дети).

Очевидно, что тактическое значение данного фактора зависит главным образом от того, какое место в системе ценностей занимает семья (и старая, и новая) у допрашиваемого. Чем большую жизненную ценность она для него представляет, чем трепетнее он относится к жене, детям, родителям, братьям, сестрам, тем большим может оказаться эффект тактического использования фактора семьи при его допросе.

Поведение подсудимого, защищающегося от обвинения ложными показаниями, можно оценить как нераскаяние в содеянном, противодействие установлению истины, и, следовательно, как обстоятельство, лишаящее его шансов на смягчение наказания, что делает последнее более суровым, чем оно могло бы быть. А это, безусловно, наносит большой урон и семейным отношениям подсудимого, и самой семье, остающейся без него на более длительный срок.

Если ложные показания дает свидетель (потерпевший), то напоминание ему о риске понести уголовную ответственность за лжесвидетельство и о неизбежности связанных с этим серьезных потерь в сфере семейных отношений может существенно «отрезвить» допрашиваемого и побудить к даче правдивых показаний.

Разумеется, для тактического использования «фактора семьи» требуется иметь подробную информацию о членах семьи, их здоровье, о семейных традициях, нравственных установках, особенностях взаимоотношений. Чем меньше сведений такого рода содержится в материалах дела, тем больше времени и усилий нужно потратить на их получение при допросе этого лица в суде.

Тактическое значение *процессуального положения* допрашиваемого. Следует напомнить о трех основных видах процессуального положения — подсудимый, потерпевший, свидетель. Находясь в том или ином положении, допрашиваемый «играет» соответствующую ему «роль». Типовые различия этих ролей таковы. Подсудимый и потерпевший — лица, заинтересованные в определенном исходе дела. Их интересы обычно, противоположны. Свидетель чаще всего нейтрален, не заинтересован в пользу ни одной из противоборствующих сторон. В этом — залог его объективности.

Естественно, встречаются свидетели, заинтересованные в пользу подсудимого либо потерпевшего, — и не так уж редко. В силу этого их показания могут быть в большей или меньшей мере необъективными. Знание о том, какого характера отношения связывают такого свидетеля с подсудимым или потерпевшим, а отсюда — чего от него можно ожидать на допросе, имеет огромное тактическое значение. Особенно это важно знать об «основных фигурах» из числа свидетелей. Информацию по данному поводу нужно получить и оценить еще на этапе подготовки к судебному процессу, а при необходимости уточнить или перепроверить ее в начальной фазе допроса.

Заинтересованность потерпевшего связана не только с ожиданием наказания виновного и полным возмещением ущерба, причиненного последним. Этот его интерес понятен и естественен. Но могут быть и другие, тщательно скрываемые

интересы: утаить на суде (особенно если это удалось на предварительном следствии) свою провоцирующую роль в криминальном конфликте либо, напротив,— «наговорить на себя» в целях умаления вины подсудимого. Последнее встречается по делам о криминалах в семье, среди родственников, а также при подкупе либо угрозах со стороны лиц, представляющих интересы подсудимого. Все это прокурору надлежит учитывать, определять и, по возможности, нейтрализовать в ситуациях, когда показания потерпевшего в суде неожиданно и резко теряют свое обвинительное, изобличающее содержание.

Интересы подсудимого обычно довольно просты — борьба против обвинения в целом или его отдельных, наиболее серьезных положений. В настоящее время редко встречается чистосердечное признание и активное спо-собствование обвиняемого (подсудимого) раскрытию преступления. Однако, если такие случаи имеют место, важно не «пропустить» возможного самоговора. Основные признаки, отличающие чистосердечное признание виновного от самоговора лица, не совершавшего преступления,— это степень детальности их показаний и совпадения этих деталей с реально установленными обстоятельствами преступления. Разумеется, многое здесь могут дать и сопоставление с криминалом личности признающего вину, а также частные признаки его поведения в суде (манера рассказа, уровень переживаний и т. п.).

Тактические особенности обеспечения надлежащего содержания протокола судебного заседания

Теперь, после краткого рассмотрения тактического значения ряда социально-демографических признаков, характеризующих личность допрашиваемого, перейдем к исследованию других обстоятельств, имеющих общее тактическое значение в отправлении судебной процедуры.

Допрос в суде в отличие от допросов на предварительном следствии (дознании), отдельным, самостоятельным протоколом не оформляется, а фиксируется секретарем в едином протоколе судебного заседания. Практика свидетельствует, что показания допрашиваемых лиц записываются в этом протоколе слишком кратко, не всегда точно, а иногда искажаются по смыслу настолько, что позднее становится очень сложно разобраться в сути его показаний. Содержание вопросов, заданных допрашиваемому, в этом протоколе не отражается вовсе. Обычно встречается такая запись: «...на вопрос прокурора допрашиваемый ответил, что...» Каково содержание вопроса — неизвестно. Остается догадываться по контексту ответа, но это удастся лишь тогда, когда ответ записан четко и позволяет «вычислить» вопрос.

Одним из способов преодоления данного недостатка могла бы служить звукозапись или, еще лучше, видеозапись судебного следствия и последующее приобщение фоно- или видеоматериалов в качестве приложения к протоколу судебного заседания. Однако это весьма хлопотно, да к тому же в суде не всегда есть необходимая аппаратура и соответствующие специалисты.

В то же время в указанных целях очень слабо используется такое простое тактическое средство, как вопрос, требующий повторения какой-либо части сказанного. Наиболее ценные для судьбы дела сведения, прозвучавшие в свободном рассказе определенных лиц, нужно с помощью ряда вопросов «заставить» прозвучать еще раз, но уже не в общем контексте рассказа, а отдельными, отчлененными от него

самостоятельными фрагментами. При этом формулировка вопросов должна звучать очень просто — как просьба уточнить или детализировать что-либо. Тогда в ответах можно получить не только повторение важной информации, но и дополнительную, подчас новую информацию.

Тактический замысел постановки таких вопросов состоит в том, чтобы и сами эти вопросы, и, главное, точные и четкие ответы на них гарантированно попали в протокол судебного заседания. Более того, получив в ответе на вопрос особо ценные для интересов дела сведения, прокурор может сразу же обратиться к секретарю судебного заседания с просьбой дословно записать в протоколе и вопрос, и прозвучавший ответ.

О «праве» на первый допрос

Далее. Согласно действующему законодательству (ст. 282, 193, 287, 289 УПК РСФСР) право первенства в проведении допросов, о чем уже говорилось, предоставлено суду. Однако не будет нарушением «субординации», если — по ходатайству прокурора — суд предоставит ему право первого допроса. Такому шагу суда нетрудно найти достойное объяснение — ведь именно на прокурора возложена обязанность поддержания государственного обвинения, и в первую очередь от него зависит, получит ли суд в ходе судебного разбирательства всестороннюю, полную и объективную картину исследуемого преступления и убедительные доказательства его совершения подсудимым. К тому же проводимая в стране судебная реформа, связанная с введением института присяжных заседателей, ориентирована, в частности, на то, что прокурор начинает первым вести допросы. Это несомненно повышает ответственность прокурора за качество и результаты допросов и посему требует значительного совершенствования его мастерства в их проведении.

В связи с этим безынтересно отметить, что неоднократные опросы судей свидетельствуют об их согласии (в абсолютном большинстве случаев) отдать прокурору «пальму первенства» в судебных допросах. Единственное условие, выдвигаемое при этом судьями, таково: прокурор должен обеспечить высокий уровень, тактическую грамотность и результативность допросов.

Разумеется, прокурору не следует обращаться к суду с подобным ходатайством при допросе каждого лица, вызванного в суд. В этом чаще всего нет тактической необходимости. Но в отдельных случаях, когда от показаний определенного лица существенно зависит судьба дела и прокурор надеется успешно провести этот допрос, но вместе с тем не без оснований опасается, что этого не сможет сделать председательствующий, он, безусловно, должен похотатайствовать перед судом о праве первым начать допрос указанного лица.

При этом полезной может оказаться следующая тактическая рекомендация. Поскольку о необходимости допроса первым какого-нибудь лица прокурор узнает после изучения материалов дела (в период подготовки к процессу), то с упомянутым ходатайством было бы рискованно обращаться к суду непосредственно перед допросом этого лица. Для суда такое ходатайство будет и неожиданным, и непонятным (а раскрывать публично тактический замысел ходатайства прокурору нельзя). В результате — может последовать отказ. Поэтому лучше всего это оговорить с судьей заранее, объяснив ему свой тактический замысел и заручившись его согласием, дожидаться соответствующего момента в ходе судебного следствия

для заявления названного ходатайства.

Типовые варианты ситуаций, складывающихся при судебном допросе, и их тактическое значение

Завершая анализ общих положений тактики судебного допроса, остановимся на исследовании типичных тактических ситуаций, складывающихся при проведении допросов в суде.

Известно, что допрос каждого человека по-своему уникален. Однако при всех особенностях каждого отдельного допроса в массе их содержится множество повторяющихся черт, среди которых можно выделить наиболее важные, определяющие и ход, и результаты допроса.

Основная цель допроса — получение правдивой информации об обстоятельствах преступления. По отношению к этой главной цели допроса криминалистика выделяет три типичные ситуации: бесконфликтную, конфликтную с нестрогим соперничеством и конфликтную со строгим соперничеством.

Бесконфликтная ситуация характерна тем, что в ней совпадают цели допрашивающего и допрашиваемого. Допрашивающий желает получить правдивые показания, а допрашиваемый намерен их дать. В такой ситуации нет сопротивления, противодействия.

Иное дело — две другие ситуации. Обе они связаны с противодействием допрашиваемого в установлении истины. Различие же между ними состоит в степени этого противодействия, в уровне соперничества с допрашивающим за проведение «своей линии». Налицо, таким образом, конфликт интересов сторон — участников допроса.

Нестрогое соперничество имеет место при частичном признании обвиняемым своей вины. Такую позицию он избирает тогда, когда целиком отрицать свою причастность к преступлению (по разным причинам) он не может и поэтому сосредоточивает сопротивление на отдельных, объективно трудно устанавливаемых сторонах криминала. Чаще всего он искажает в своих показаниях мотив преступления, а также придумывает обстоятельства, смягчающие его ответственность. В ряде случаев такую позицию могут занимать потерпевшие и свидетели, если они изначально были или позднее стали заинтересованными в исходе дела в пользу обвиняемого.

Строгое соперничество характеризуется полным отрицанием вины в преступлении (иногда вопреки фактам и здравому смыслу) и выражается в упорном сопротивлении установлению истины по делу с помощью ложных показаний либо отказа от дачи каких бы то ни было показаний. Последний вариант — отказ от дачи показаний, избираемый обвиняемым сначала на предварительном следствии, — встречается крайне редко. Чаще имеет место переход к отказу после убедительного опровержения следователем или прокурором в суде ложных показаний. Здесь нельзя не отметить, что отказ подсудимого от дачи показаний, по существу, является отказом от самооправдания, т. е. самозащиты. Поскольку мотивов такого своего поведения он не сообщает, то одним из вероятных толкований данного поступка подсудимого (обвиняемого) может быть такое: другой защитной версии, кроме ранее выдвигавшейся и опровергнутой, у него нет, придумать убедительную новую, детально согласующуюся с обстоятельствами преступления, он не может, но и

«сдаваться» (признать вину) не хочет. Если с помощью ложных показаний обвиняемый борется за «выигрыш», то отказ от дачи показаний — это уже принципиально иное: это — снятие противодействия, уход от активной борьбы, переход на пассивную позицию с установкой, «как выйдет, так пусть и будет». Эту своеобразную «улику поведения» следует умело и вовремя использовать в тактических целях.

Иногда, но, к сожалению, все чаще и чаще, прокурору приходится сталкиваться в суде с позицией строгого соперничества, занимаемой *свидетелем*. Известны случаи, когда свидетели давали в суде заведомо ложные показания в пользу подсудимого, игнорируя предупреждение об уголовной ответственности за лжесвидетельство, ибо были готовы ее понести, пожертвовав даже свободой. Нетрудно себе представить, сколь сложной для прокурора окажется тактическая борьба с подсудимым, находящимся в союзе с таким лжесвидетелем.

3.4. Тактика допроса в конфликтной ситуации

Особенности конфликтной ситуации

Определив с большей или меньшей степенью вероятности характер ситуации, которая может сложиться при допросе каждого из вызванных в суд лиц, прокурор должен перейти к решению следующей задачи — разработке общей тактической схемы допроса каждого из них и подбору тактических приемов для достижения целей этих допросов. К их числу относятся такие упоминавшиеся в первой главе приемы, как «смежность», «сходность», «наглядность», «контрастность» и другие.

Конфликтная ситуация, как уже отмечалось, характеризуется противоречием интересов допрашивающего и допрашиваемого и, как следствие этого, борьбой каждого из участников допроса за свои интересы.

Рассматривая тактическую борьбу в конфликтной ситуации, нет смысла делить последнюю на разновидности, связанные с нестрогим и строгим соперничеством. Сущность обеих одна — противостояние, обусловленное оборонительной доминантой допрашиваемого. Очевидно, что отрицание подсудимым части обвинения, отдельных моментов преступления менее опасно для судьбы дела, чем отрицание всего криминала в целом. Тактические же приемы, направленные на преодоление лжи, по своей психологической природе одинаковы.

Конфликтная ситуация, обнаруживающаяся на судебном допросе, всегда имеет одну из двух типовых особенностей — она либо уже была таковой на предварительном следствии и в этом своем качестве повторяется в суде, либо, ранее бесконфликтная, неожиданно стала конфликтной в суде.

Главное в первой особенности то, что прокурор уже знаком с существом конфликта (по материалам изученного дела) и наметил тактические средства его нейтрализации. Данная особенность в известной мере облегчает задачи прокурора по опровержению в суде таких же, как и ранее, ложных показаний субъекта. Однако следует учитывать и то, что допрашиваемый, «устоявший» на своей ложной позиции на предварительном следствии, прошел «курс» тактической борьбы со следователем (а может быть и несколькими), знаком и с обвинительной аргументацией следователя. Поэтому он и на суде, по всей видимости, будет упорно отрицать

обвинение. Не исключается и выдвижение новых, дополнительных аргументов в защиту своих прежних 'версий и показаний.

Другая же особенность конфликтной ситуации, напротив, характеризуется неожиданным отказом допрашиваемого в суде от своих прежних, чаще всего правдивых, показаний и дачей новых ложных показаний. В ней важны два момента, негативно воздействующих на прокурора:

- фактор неожиданности самого изменения в показаниях;
- новизна прозвучавшей в суде ложной информации.

Непредвиденная смена прежних показаний, особенно «ключевой» фигурой, наносит удар по системе уже подготовленных к использованию обвинительных доказательств, выбивая из нее существенные звенья, а новая информация ставит перед прокурором иные задачи, решать которые он должен без подготовки, экспромтом подбирая аргументы, опровергающие новые показания.

С учетом тех или иных особенностей конкретной конфликтной ситуации и строится, как в общем, так и в частности тактика судебного допроса.

В четвертом параграфе были рассмотрены только две стадии судебного допроса — предварительная и свободного рассказа. При этом отмечалось, что тактической борьбы на них практически не бывает, хотя это вовсе не означает, что свободный рассказ допрашиваемого лишен тактического содержания. Дача ложных показаний, конечно же, предполагает реализацию допрашиваемым конкретной тактической идеи — самому избежать или помочь другому уклониться от уголовной ответственности за преступление. Имелось в виду другое — на указанных этапах не разворачивается «тактического сражения». Оно целиком переходит в третью стадию допроса *вопросно-ответную*.

Классификация вопросов при судебном допросе и ее тактическое значение

Общая тактическая схема проведения в суде вопросно-ответной стадии конфликтного допроса должна, по мнению авторов, выглядеть как система из трех групп (блоков) вопросов, задаваемых в следующем порядке.

Сначала задаются вопросы (первая группа), *уточняющие или детализирующие положения свободного рассказа допрашиваемого, содержащие ложную информацию*. Тактическое значение данного блока вопросов определяется тем, что ответы на них информационно обогащают свободный рассказ допрашиваемого, придавая ему законченность, относительную всесторонность освещения предмета показаний, и одновременно дают прокурору дополнительный материал для будущей тактической борьбы. Наряду с этим вопросы первой группы «привязывают» субъекта к сказанному. Эти вопросы — еще не «атака» прокурора, а «маневры», имеющие целью глубже изучить «противника», получить от него максимум информации, отыскать в ней противоречия и наметить наилучший план «наступления».

Во вторую группу входят вопросы, *констатирующие противоречия в рассказе или показаниях допрашиваемого и требующие от него их объяснения и разрешения*. Подобные несоответствия можно условно назвать **внутренними**, поскольку они не выходят за рамки одного источника информации (противоречия самому себе). Этими вопросами государственный обвинитель начинает «атаковать» показания

допрашиваемого, нанося информационные удары по тем фрагментам, в которых выявлены противоречия. Умелым использованием вопросов данной группы подчас можно поколебать, а затем и разрушить психологическую установку допрашиваемого на дачу ложных показаний и вынудить его сказать правду.

Но если названные вопросы не привели к успеху, тогда не обойтись без «тяжелой артиллерии» — вопросов третьей группы, *констатирующих противоречия между прозвучавшими показаниями и информацией, получаемой из других источников* (внешние противоречия), *и требующих от допрашиваемого их разрешения*. Если внутренние (самому себе) противоречия субъект еще как-то может объяснить (но при этом должен сделать окончательный выбор одного утверждения и отказаться от другого), то разумно обосновать противоречия ряда своих утверждений другим материалам предварительного и судебного действия на него крайне сложно.

Материальной базой для формирования вопросов третьей группы — а это изобличающие вопросы - служит реальное несоответствие отдельных утверждений допрашиваемого системе объективных данных, установленных предварительным и судебным следствием. Поэтому любой вопрос третьей группы предполагает ссылку на те или иные доказательства как на антитезы тому, о чем говорит допрашиваемый. Доказательства эти могут быть как личными, так и вещественными.

Вопросы второго и третьего блоков — это средства логического воздействия (с помощью конкретных личных и вещественных доказательств) на допрашиваемого, дающего ложные показания, с целью дискредитации последних и получения правдивых показаний.

В чем же состоит тактическое значение выделения в вопросно-ответной фазе конфликтного допроса трехуровневой структуры?

Уже одно знание о трех группах вопросов, различающихся по своей направленности, и соблюдение указанной последовательности их использования не только наилучшим образом организует допрос, но и, что важнее, гарантирует его всесторонность и полноту, существенно обогащая представление о содержании последних. Теперь представление о всесторонности и полноте допроса не сводится, как раньше, только к детальности описания допрашиваемым преступления и иных, связанных с ним событий, а дополняется осознанием необходимости исследовать внутренние и внешние противоречия с целью их устранения и тем самым большего приближения к истине.

В свете сказанного существенно углубляется понимание роли и содержания подготовки к судебным допросам. Стало очевидно, что комплекс вопросов, заранее формулировавшихся прокурором для допроса конкретного субъекта в суде (о чем говорилось ранее), следует дополнительно разбить на три группы (по их целевой направленности) и решить — обеспечат ли эти «групповые» вопросы необходимый промежуточный результат, а в совокупности — достижение целей всего допроса. Если нет, то соответствующую их группу следует дополнить новыми вопросами. При таком подходе ни один существенный вопрос на этапе подготовки упущен не будет.

Однако указанная система вопросов — при всей ее огромной тактической значимости — всего лишь схема ведения допроса. Она, конечно же, предполагает использование прокурором отдельных тактических приемов, выбор которых определяется особенностями личности допрашиваемого и его «сопротивления»,

характером (количеством и качеством) доказательственной базы по делу и другими факторами и обстоятельствами, составляющими индивидуальную особенность рассматриваемого дела.

Практика отмечает, что и свидетели, и потерпевшие допускают изменение в суде показаний, создавая тем самым конфликтную ситуацию. Однако в большинстве случаев к этому прибегают подсудимые. При этом чаще всего они изменяют прежние правдивые показания на ложные, отрицая ранее признававшееся обвинение.

Данные «метаморфозы» лишь в редких случаях могут объясняться объективными слабостями доказательственной базы по делу или грубыми процессуальными нарушениями, компрометирующими важнейшие доказательства, поскольку «слабые» дела в суд обычно не направляются, а допускаемые процессуальные нарушения исправляются при осуществлении прокурорского надзора за расследованием

За последние пять-шесть лет произошел резкий переход от отдельных случаев изменения показаний к почти повальному отказу подсудимых (да и обвиняемых на предварительном следствии) от правдивых показаний с признанием обвинения. Он удивительным образом совпал как с неявками в суд потерпевших и важнейших свидетелей (очевидцев), так и с неожиданным изменением последними обвинительных показаний на оправдательные. Все это объясняется совершенно иными причинами, в том числе и связанными с допуском защитников на самые ранние стадии расследования.

Вырисовывается новая, крайне острая проблема государственной важности: параллельно с ведущимся расследованием преступлений идет скрытый (от следственно-судебных органов), хорошо организованный, с квалифицированной юридической поддержкой процесс развала результатов расследования уже не отдельными заинтересованными лицами, а целыми группами таких лиц. Исследовать эту проблему в рамках данной монографии авторы, разумеется, не собираются. Здесь о ней упоминается лишь затем, чтобы государственные обвинители не расслаблялись, получая «в работу» так называемые простые, «беспроблемные» дела. В последние годы и такие дела приобрели свойство «вдруг» — в суде — становиться остропроблемными.

Тактические приемы борьбы с изменением показаний в суде

Итак, в суде неожиданно прозвучала новая — ложная, по мнению прокурора, информация. Каковы тактические задачи прокурора в подобной ситуации?

Прежде всего — это всесторонняя оценка информации, прозвучавшей в свободном рассказе допрошенного:

выявление в ней «белых пятен», провалов в сюжетной картине, противоречий между отдельными положениями рассказа (внутренних противоречий), а также между отдельными тезисами говорившего и объективными обстоятельствами исследуемого судом преступления.

Вступая в вопросно-ответную фазу допроса, прокурор должен использовать сразу два тактических приема, которые очень тесно переплетаются. Один из них называется «допущение легенды», другой — «детализация показаний».

Первый состоит в том, что прокурор делает вид, будто верит ложным показаниям (легенде) допрашиваемого, т. е. принимает, «допускает легенду». Обычно это вы-

ражается в одобряющих допрашиваемого репликах, междометиях, просьбах продолжить рассказ. По завершении рассказа прокурор применяет второй прием — детализацию показаний. Проявляя к ним подчеркнутый интерес, он задает множество вопросов, направленных на уточнение и детализацию рассказа, причем главным образом его опорных положений, подкрепляющих ложную версию допрашиваемого.

Приемом детализации показаний прокурор тактически ставит лжеца в критическое положение. С одной стороны, тот не может заявить, что на детали «не обратил внимания», «не заметил» или «уже забыл» о них и т. п., так как понимает: такими ответами он сразу же подорвет доверие к своим новым показаниям. Если же он все-таки пойдет по этому пути, то после трех-четырех подобных отрицательных ответов прокурор должен, обобщив их, открыто поставить под сомнение показания, а с ними и версию допрашиваемого как голословные.

С другой стороны, лгущему негде взять реальные детали к придуманной версии. И тогда ему остается одно — «на ходу» изобретать их и приспособливать к теме показаний. Но это вынужденный и посему «слабый ход противника». Именно в силу своей нереальности эти детали неизбежно должны противоречить фактическим обстоятельствам преступления (внешние противоречия), а в силу поверхностного соотнесения с собственной ложной версией — и самой этой версии (внутренние). Этими противоречиями прокурору и надлежит тактически грамотно воспользоваться при постановке вопросов подсудимому.

Помимо двух названных приемов в ситуации неожиданного изменения в суде показаний можно с успехом использовать и такой прием, который в криминалистической литературе именуется как *«ограничение диапазона возможных ложных показаний»*. Ему можно дать и другое, более простое и образное название — «сжигание мостов».

Суть приема в следующем. Если лицо лжет и прокурор видит, что данные ложные показания он может убедительно опровергнуть, то в этой ситуации промежуточной тактической задачей для прокурора становится необходимость «связать» допрашиваемого именно этими показаниями, чтобы не дать ему возможности перейти на другие ложные показания, когда эти окажутся опровергнутыми.

Получив исчерпывающую информацию по ложной версии допрашиваемого с помощью приемов «допущение легенды» и «детализация показаний», прокурор должен (с этого и начинается рассматриваемый прием) поставить перед ним ряд таких вопросов, которые одновременно и «привяжут» его к этим показаниям, и тактически вынудят отрицать, отвергать иные варианты ложного описания события или отдельных его элементов, т. е. — «сжечь мосты».

Первый и главный из этих вопросов таков: «Является ли правдой все то, что Вы только что рассказали участникам процесса?» Ответ солгавшего, разумеется, должен быть утвердительным.

Остальные вопросы касаются центрального ложного тезиса и тех других утверждений, от которых, как только они будут опровергнуты прокурором, допрашиваемый может отказаться и дать иные, более удачные ложные объяснения, опровергнуть которые будет гораздо труднее, а то и невозможно.

Обратимся к примеру. Б. полностью признал на предварительном следствии свою вину в убийстве С. из мести за оскорбление. В суде Б. неожиданно заявил о

необходимой обороне и показал, что около 23 часов 8 октября, возвращаясь домой и проходя через небольшой пустырь на окраине города, встретил незнакомого ему С. в нетрезвом состоянии. Тот загородил Б. дорогу, нецензурно обозвал его и ударил кулаком по лицу, но тут же получил ответный удар в лицо. Тогда С. схватил лежавший в грязи кирпич и, со словами: «Сейчас башку размозжу», — замахнулся им, намереваясь ударить Б. по голове. В этот момент Б. и нанес С. смертельный удар ножом в грудь, после чего, испугавшись случившегося, убежал домой. Свидетелей происшествия не было.

Налицо типичный случай неожиданно изменившейся в суде ситуации, в которой прокурор должен был быстро сориентироваться и найти выход из критического положения, грозившего оправдательным приговором.

Хорошо зная детали преступления и его обстановку, он сопоставил объективные данные о преступлении с основными аргументами подсудимого о необходимой обороне (грязный кирпич, угроза «размозжить голову») и пришел к выводу, что эти ложные аргументы Б. он опровергнет объективными данными (кирпича на месте происшествия и никакой грязи не было, руки потерпевшего были чистыми, он не был агрессивным и т. д.). Но при этом прокурор учел, что тактически правильным будет не спешить с опровержением, что сначала нужно «привязать» подсудимого к этим показаниям и тем самым вынудить отказаться от других возможных вариантов ложной необходимой обороны.

С этой целью он задал подсудимому рекомендованный выше первый вопрос, а затем следующие вопросы (в скобках даются ответы подсудимого на каждый из них):

— Чем С. замахнулся на Вас? (Кирпичом.) Где он его взял? (Кирпич лежал на тропинке, в грязевой луже.) Что С. сделал с ним дальше? (Замахнулся на меня, подняв высоко над своей головой.) А, может быть, это был не кирпич, а другой предмет, например камень? (Нет, это был кирпич, я это хорошо видел.) Но ведь было темно — 23 часа. Вы не ошибаетесь? (Нет, глаза уже привыкли к темноте и на фоне неба в поднятой над головой руке С. были хорошо видны очертания кирпича.) Но ведь Вы и сами были в нетрезвом состоянии. Не могло ли Вам только показаться, что это был кирпич? (Нет, несмотря на то что я немного выпил, я хорошо ориентировался в обстановке и видел именно кирпич.) Правильно ли я Вас понял, что никакого иного орудия в руках С., кроме кирпича, не было? (Да, это именно так.)

Чтобы использовать эффект примера до конца, попробуем предположить, как повел бы себя подсудимый после опровержения его показаний «о кирпиче», если бы не были заданы приведенные выше вопросы.

Поняв, что его версия с «кирпичом» разбита, подсудимый в своем дальнейшем (после опровержения) рассказе заменил бы «кирпич» на «тяжелый камень или что-то подобное» (необходимой обороны он при этом не терял бы). Сам факт такой перемены в показаниях он объяснил бы либо темнотой («не разглядел в темноте»), либо состоянием опьянения («был пьян и не пытался определить орудие»), либо, что лучше всего для Б., — и тем и другим вместе.

Объективно оценивая данный вариант, надо прямо сказать, что при данных

обстоятельствах (Б. и С. не были знакомы, очевидцев не было, мотив ситуативный, на месте происшествия имелось несколько больших камней) версию Б. о нападении на него С. с камнем и, следовательно, необходимую оборону опровергнуть было бы чрезвычайно трудно.

Однако тактическое мастерство прокурора позволило нейтрализовать как спасительные для Б. аргументы — и «темноту», и «состояние опьянения», исключить в показаниях замену кирпича на что-либо иное и успешно преодолеть критическую ситуацию при поддержании государственного обвинения.

Приведем еще один пример, когда детализация показаний помогла опровергнуть согласованные ложные показания подсудимых. По делу с несколькими эпизодами привлекались трое — М. и два брата Т.

При изучении дела прокурор обратил внимание, что во время ознакомления с делом (ст. 201 УПК РСФСР) старший из братьев, ранее неоднократно судимый, отказался от своего прежнего признания в краже вместе с М. крупной суммы денег из бухгалтерии треста. Он проходил в этом деле только по данному эпизоду, тогда как его младший брат и М. — по нескольким. Тщательно продумав возможные причины отказа, прокурор обоснованно предположил, что между братьями, скорее всего, есть договоренность и что младший, видимо, возьмет вину в указанной краже на себя, пытаясь выгородить старшего. Решая вопрос о тактически наилучшей последовательности допроса подсудимых, обвинитель ходатайствовал перед судом о допросе первым М., полагая, что он не охвачен сговором братьев. При этом прокурор просил провести допрос М. в отсутствие братьев, что и было сделано.

М. дал полную, с мельчайшими подробностями информацию о краже. Затем допросили младшего брата, который, как и предполагалось, заявил, что это он вместе с М., а не его старший брат с М., совершили данную кражу. Однако разработанный обвинителем и реализованный в суде план допроса младшего Т., а также примененный при допросе прием детализации обстоятельств кражи наряду с показаниями М. сделали очевидной несостоятельность его утверждений. В частности, он не смог подробно описать помещения бухгалтерии, расположения столов, неправильно указал местонахождение сейфа, число и локализацию сделанных дрелью отверстий на его дверце.

При выборе тактических приемов допроса в конфликтной ситуации должны учитываться и такие рассматривавшиеся ранее факторы, как пол, возраст, уровень образования, семейное положение и состояние здоровья допрашиваемого, наличие (отсутствие) у него судимостей, а также его процессуальное положение. Наряду с этим важно определить и умело тактически использовать данные о сильных и слабых сторонах личности допрашиваемого, и прежде всего о его воле, интеллекте, нравственных позициях.

Так, иногда может привести к успеху использование приема, именуемого «пресечение лжи», — приема, в сущности противоположного по содержанию трем

описанным выше. Его следует применять в том случае, когда допрашиваемое лицо дает в суде ложные показания неуверенно, с очевидными колебаниями, паузами в рассказе.

Оценив ситуацию как благоприятную для использования данного приема, прокурор стремится пресечь ложные показания допрашиваемого в самом начале, не давая ему зайти во лжи слишком далеко (до конца), ибо это позднее затруднит возврат к правдивым показаниям.

Суть приема состоит в неожиданном опровержении уже первых ложных утверждений допрашиваемого конкретными доказательствами (логическое воздействие). При этом полезно дополнить опровержение эмоциональным влиянием — констатацией его положительных качеств, перечнем его заслуг в какой-либо области деятельности, указанием на авторитет в трудовом коллективе, в кругу семьи и знакомых.

Рассмотрим пример использования данного приема.

Водитель автомашины, совершивший наезд на мальчика в районе автобусной остановки, в суде заявил, что наезд совершил потому, что мальчик неожиданно выскочил из-за автобуса спереди. Прокурор сразу же указал на несостоятельность его заявления, сославшись на показания свидетелей, утверждавших, что мальчик выходил через заднюю дверь автобуса и выбежал на проезжую часть не спереди, а сзади автобуса. При этом были отмечены положительные отзывы о работе водителя автомашины и тот факт, что в начале расследования им были даны правдивые показания. Вскоре он отказался от попыток исказить ситуацию происшествия и вновь стал говорить правду.

В целях эмоционального воздействия на допрашиваемого хорошо зарекомендовал себя тактический прием, называемый *«актуализацией борьбы мотивов»*. Идея этого приема очевидна — столкнуть позитивные и негативные ориентации субъекта, оказав при этом поддержку первым и обесценивая вторые. Лицо ставится перед выбором между нравственным и порочным поступком в той ситуации, когда отложить или уклониться от этого решения уже нельзя. Умело обыгрывая эту острую психологическую ситуацию, прокурор может добиться от лгавшего подсудимого правдивых показаний, а применительно к потерпевшему или свидетелю — еще и предотвратить драму, связанную с неизбежным привлечением любого из них к уголовной ответственности за лжесвидетельство.

Одним из эффективных и широко используемых на практике тактических приемов борьбы с ложными показаниями является *предъявление доказательств*. Последовательно предъявляя допрашиваемому доказательства, разъясняя их значение по отдельности, а затем и в комплексе как информацию, опровергающую определенное утверждение допрашиваемого, а применительно к подсудимому — изобличающую его в совершении преступления, можно убедить каждого в бесплодности попыток оправдать кого-то или себя очевидно негодными средствами. Технически предъявление доказательств осуществляется:

- оглашением необходимых фрагментов показаний допрошенных лиц, демонстрацией различных документов (схем, в том числе и места происшествия, фотоснимков, видеоматериалов, справок, протоколов и иных документов;

- предъявлением вещественных доказательств, особенно орудий преступления или предметов, принадлежавших подсудимому (оставленных им на месте происшествия) или потерпевшему (найденных при обыске по месту работы или жительства подсудимого), либо — что чаще всего и бывает — последовательно всеми этими способами.

Говоря о предъявлении доказательств, напомним, что в соответствии со ст. 286 и 287 УПК РСФСР оглашение на суде показаний, данных свидетелем либо потерпевшим при производстве дознания или предварительного следствия, а также воспроизведение звукозаписи их показаний, могут иметь место в следующих случаях:

- при наличии существенных противоречий между их прежними и данными в суде показаниями;
- при отсутствии в судебном заседании свидетеля (потерпевшего) по причинам, исключающим возможность его явки в суд.

При тактической необходимости усилить опровергающий эффект такой информации следует воспользоваться *«шахматным допросом»* (п. 4, 5, 6 ст. 283 УПК РСФСР), заменяющим в суде очную ставку, и повторно обратиться к уже допрошенному лицу с вопросом, ответ на который, по мнению прокурора, и должен опровергнуть какое-либо утверждение лгущего.

Очень многообещающим в тактическом плане может оказаться редко используемый в судебном следствии *повторный допрос* лица, давшего ложные показания. Особенность этого приема заключается в том, что данный субъект, оставшись после первого его допроса в зале суда, слышал показания других, позже него допрошенных лиц. В зависимости от того, изобличающими во лжи или нет были показания этих лиц, и требуется решить вопрос о необходимости повторно допросить солгавшего. Цель такого допроса — привести его к даче правдивых показаний, опираясь на сведения, полученные в суде из других источников и опровергающие его первые показания. Сочтя повторный допрос подсудимого или свидетеля необходимым, прокурор должен обратиться с ходатайством к суду и получить на это согласие.

Начинается такой допрос с предложения ранее допрошенному в суде лицу вновь — и уже в последний раз (!) — вернуться к показаниям по существу дела с учетом иной информации, прозвучавшей в суде, и дать правдивые показания. Если они останутся прежними, прокурор, убежденный в их ложности, переводит допрос в вопросно-ответную фазу и пытается предъявлением конкретных доказательств поколебать позиции допрашиваемого. В финальной части допроса, в дополнение к приемам логического (с помощью доказательств) воздействия на допрашиваемого, следует прибегнуть и к мощному эмоциональному воздействию, придав особое тактическое значение аргументу «последнего шанса» для подсудимого улучшить положение перед приближающейся развязкой, а для свидетеля — избежать уголовной ответственности за лжесвидетельство.

При выдвижении допрашиваемым в суде новых версий и соответствующих им показаний одной из важнейших задач прокурора и одновременно одним из тактических средств ее решения является проверка этих новых показаний своими силами и с помощью других участников судебного процесса — без обращения дела к следованию.

Наиболее сложной (хлопотной) является обычно проверка неожиданно заявляемого подсудимым алиби. В рамках проводимой в таких случаях проверки показаний используются все рассматривавшиеся ранее тактические приемы.

Рассмотрим пример. Подсудимый Д., отказавшись от прежних показаний, заявил алиби. Прокурор при допросе подробно выяснил, в каком месте «находился» подсудимый в день преступления, с какой целью, что делал, кого видел. Затем с целью проверки указанных обстоятельств ходатайствовал перед судом вызвать в суд названных подсудимым свидетелей, истребовать документы, подтверждающие его пребывание в конкретный день в указанном месте. Допрошенные свидетели показаний подсудимого не подтвердили, на предприятии никаких документов, подтверждающих его пребывание в указанный день на рабочем месте, не было. Убедившись в том, что все его заявления тщательно проверяются и опровергаются, Д. вернулся к прежним правдивым показаниям.

При изменении допрашиваемым правдивых показаний на новые (ложные) требуется не только опровергнуть последние, но и подтвердить соответствие истине старых, данных на предварительном следствии.

Анализируя прежние показания, нужно обратить особое внимание на те обстоятельства или детали преступления, которые могли быть известны только его участнику. К таким деталям относятся: точное описание обстановки места происшествия, особенно ее элементов, меняющихся в течение дня или нескольких часов, одежды, позы трупа, причиненных потерпевшему повреждений, пропавших вещей и т. п. Совпадение деталей, описанных в прежних показаниях допрошенного, с реально установленными особенностями места происшествия и криминального события может свидетельствовать как минимум о его виновной осведомленности, а как максимум — о совершении им преступления.

П., признавшийся на предварительном следствии в убийстве Т., в суде отказался от этих показаний и заявил, что он Т. вообще никогда не видел. Прокурор ходатайствовал перед судом, чтобы были оглашены показания, данные П. на предварительном следствии, где он подробно описывал одежду Т. Его описание соответствовало данным, содержащимся в протоколе осмотра места происшествия, показаниях матери и жены потерпевшего. Попытка объяснить такие совпадения с учетом своих новых утверждений привела П. к тому, что он запутался в противоречиях и вернулся к прежним показаниям.

А вот другой, более сложный случай. На предварительном следствии К. и С. признавали свою виновность в совершении кражи денег и носильных вещей из квартиры А. Во время судебного разбирательства К. неожиданно заявил, что он ранее оговорил себя под воздействием работников уголовного розыска. Что касается основного, изобличающего его доказательства, а это был осколок оконного стекла со следами пальцев его руки, изъятый на месте происшествия, то

он якобы был взят с его двора С. и подброшен им на место преступления. Последний подтвердил заявление К. и показал, что кражу он совершил не с К., а с неизвестным парнем по кличке Зона и что ранее давал неправильные показания, опасаясь расправы со стороны этого парня. Он (С.) и парень взяли во дворе К. осколок стекла со следами пальцев руки К. и оставили его на месте кражи. Прокурор выяснил, где конкретно во дворе К. был взят данный осколок, а затем ходатайствовал перед судом о проведении осмотра названного участка. В результате было установлено, что осколки стекла, обнаруженные в указанном месте во дворе К., и осколок с пальцевыми отпечатками К., изъятый на месте кражи, различны по толщине. Вместе с тем последний по толщине соответствовал другим осколкам стекла разбитого окна потерпевшей А. Убедившись, что аргументы, согласованно выдвинутые С. и К., о непричастности последнего к краже опровергнуты проверкой, инициированной обвинителем, оба подсудимых вернулись к прежним показаниям.

В целях подтверждения истинности «старых:» показаний лица, отказавшегося от них в суде, весьма полезно привести доказательства, полученные лишь благодаря этим его показаниям. Это могут быть и показания

(ругих **людей**, названных допрашиваемым, и документы, и предметы, характер связи с делом и местонахождение которых указал допрошенный. Вовремя и с соответствующим изобличающим эффектом использованные, такие доказательства часто ставят лгущего в тупик и приводят к «возвращению на круги своя».

В связи со сказанным хотелось бы дать еще одну рекомендацию, имеющую значение логико-эмоционального воздействия на искажающего истину допрашиваемого.

Опровергая те или иные утверждения допрашиваемого, вовсе не обязательно исчерпывать до конца все имеющиеся контраргументы. Порой достаточно воспользоваться лишь частью совокупности, особенно если умело обыгрывать их нарастающую сумму. Для рассматриваемой ситуации прокурору полезно употреблять примерно такие фразы: «Вот Вам первое опровержение... Вот второй аргумент... А вот и третий...» Далее «играем суммой»: «Я привел Вам уже три довода, опровергающих Ваше утверждение. Полагаю, этого достаточно!»

Обычно после приведения трех-четырех аргументов можно подвести суммарный итог и использовать его по типу спортивного счета (3:1,4:1 или 5:1) для логико-эмоционального воздействия на лгущего, показывая ему (попутно и другим участникам процесса), что совокупность приведенных аргументов убедительно опровергает утверждение допрашиваемого. А если после этого — дополнительно! — привести и еще один контраргумент (может быть, даже последний из имеющихся!) и умело, не чураясь определенного артистизма, обыграть это, то победа, скорее всего, останется за государственным обвинителем.

Завершая на этом рассмотрение вопросов тактики судебного допроса, отметим, что в предложенной монографии исследовались далеко не все тактические аспекты судебного допроса. Спектр тактических приемов допроса, разработанных криминалистикой, а также постоянно рождающихся и шлифующихся на практике,

несравненно шире, чем тот- их круг, который рассмотрен в данной работе. Авторы и не ставили перед собой задачи «объять необъятное». Они выражают надежду, что рассмотренные вопросы окажутся полезными для государственных обвинителей в их трудной и ответственной деятельности по поддержанию государственного обвинения.

Примечания

1. *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1965.
2. *Перлов И. Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. М., 1955, с. 152.
Впервые термин «шахматный» встречается в методическом письме Прокуратуры СССР по вопросу об участии прокурора в судебном следствии. См.: «Социалистическая законность». 1938, с. 46-55.
3. *Порібов II. И.* Допрос в Советском уголовном судопроизводстве. М., 1973, с. 296.
4. Подробнее о шахматном допросе см.: *Соловьев А. Б., Воробьев В. П.* О тактике судебного допроса // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 16. М., 1972, с. 124-126.
5. См.: *Коновалова В. В.* Психология в расследовании преступлений. Харьков, 1978, с. 63-74.
6. См.: УПК РСФСР. Ст. 280, 283, 287.
7. См.: Обзор практики Верховного Суда РФ по рассмотрению уголовных дел в кассационном и надзорном порядке в 1992 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1993, с. 6, 10-15.